

МИХАИЛ ЛИПАРК

КОЛЛЕКЦИОНЕР ДУШ

Коллекционер душ

Михаил Липарк

Коллекционер душ. Книга 1

«Литнет»

2026

Липарк М.

Коллекционер душ. Книга 1 / М. Липарк — «Литнет»,
2026 — (Коллекционер душ)

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Я**
умер и оказался в своём теле. В теле ребенка, который рос в 90-е. Вокруг все
мои друзья, ещё живые мать и сестра. Тамагочи, пейджеры, пакетики "Yuri" и,
конечно, шанс все изменить. Вот только теперь я мелкий и учусь в школе для
одаренных. А из таинственных разрывов каждый день в одно и то же время на
улицы выползают злоеущие сущности и охотятся за живыми...

© Липарк М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Опять в школу	5
Глава 2. Искусство извиняться	10
Глава 3. Не бей! Дай удары посмотрю	15
Глава 4. Фаталити для аристократа	20
Глава 5. Кабинет директора	26
Глава 6. Запрещенный контакт	31
Глава 7. Компромат на малолеток	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Михаил Липарк

Коллекционер душ

Книга 1

Глава 1. Опять в школу

– Настя, где-то на заднем сидении должна быть зажигалка, ты не видишь?

Одной рукой держа руль, другой я пытаюсь нащупать в куче вещей старый потертый «Cricket». По-моему, покупал его еще перед тем, как сделал предложение. Год прошел, а он еще дышит. Бессмертная вещь.

– Смотри на дорогу, Костя. Не можешь уже и до хостела дотерпеть? – не отрывая взгляда от экрана своего айфона отвечает мне жена, сидящая на соседнем сиденье.

– Я обещал, что после нашего свадебного путешествия брошу курить. И если ты до сих пор хочешь, чтобы я не отбросил коньки от рака легких, тогда потерпи сама и дай мне насладиться отдыхом, – говорю я и снова принимаюсь перебрасывать грязные вещи, накопившиеся на заднем сиденье за время нашего путешествия по Европе. С одного места на другое.

В один момент машину заносит. Настя хватается за руль и выправляет автомобиль. Грузовик, едущий по встречной полосе с протяжным сигналом, пролетает мимо. Я смотрю в боковое зеркало. Фуру мотает из стороны в сторону, а машины, следующие за ней, начинают резко тормозить.

– Спасибо, – я убираю, так и не подоженную, сигарету изо рта и облизываю сухие губы.

Грохот. Хлопок. Взрыв. Смотрю в зеркало заднего вида – над горизонтом поднимается клуб дыма.

– Я же тебе сказала – потерпи! – срывается Настя и вырывает серебряный «Kent» из моих рук.

Хватает пачку сигарет из подстаканника, рядом с рукоятью ручного тормоза, и выкидывает ее в открытое окно. Я краем глаза успеваю заметить, что моя зажигалка все это время была в пачке и теперь улетает за борт вместе с остальными злополучными палочками, начиненными табаком.

– Ты нахрена это сделала?! – теперь срываюсь я и одновременно прижимаю машину к обочине.

Чертюва зависимость! От ощущения, что на расстоянии вытянутой руки у меня больше нет курева, меня бросило в пот. Желание выйти и найти потерянное выше остальных чувств. Ведь в этой гребанной Европе по автостраде можно ехать битый час и так и не нарваться на автозаправку или магазин.

– Зачем ты остановился? – спрашивает моя супруга, как будто потеряла кратковременную память.

– Затем, чтобы забрать то, что ты выбросила и выкурить свою чертову сигарету! – огрызаюсь я и хлопаю со всей силы водительской дверью.

Итальянский жаркий ветер, обдувает мое, все покрытое потом, тело, пока я иду в обратном направлении. В сторону Венеции. От проезжающих мимо машин становится только жарче. Европейское солнце светит прямо в глаза и заставляет жмуриться.

Я прикладываю ладонь к бровям и смотрю все ли там в порядке. Не все. Кажется, я стал виновником крупного ДТП. Или откуда поднимаются эти клубы дыма?

– Посмотри, что ты натворил! – из-за спины слышу голос своей жены.

Но не оборачиваюсь.

– Мы должны помочь, – Настя нагоняет меня, указывает в сторону аварии и нервно чешет левую ладонь. – Может быть там есть пострадавшие. Я все-таки медик и смогу оказать первую помощь.

Она не дожидается ответа, смотрит по сторонам, чтобы начать перебежать на другую сторону.

– Не надо, – я хватаю ее за руку.

– Что? – она смотрит на меня круглыми от удивления глазами.

– Поедем дальше, – я нервно чешу подбородок. – Мы в чужой стране. Неизвестно, что нам грозит, если кто-нибудь из свидетелей укажет на нас пальцем и скажет, что мы во всем виноваты. Я не о таком свадебном путешествии мечтал. Иногда правильнее не вмешиваться, Настя.

Шатенка, которую я безумно полюбил с первого дня нашей встречи посмотрела на меня. Одновременно с пониманием и разочарованием. Знает, что наше свадебное путешествие может закончиться прямо сейчас, если она пойдет туда. Но ничего не может с собой поделывать. Помочь людям, которые возможно сейчас находятся на грани жизни и смерти правильнее. Она давала клятву Гиппократу. И я понимаю это. Но прикрыть свой зад мне важнее.

– Если хочешь, езжай, – она вырывает свою руку. – Встретимся в Ферраре. Попрошу кого-нибудь подбросить.

Автострада в Италии. Здесь разрешена скорость – сто сорок километров в час. Дороги ровные и приспособленные для того, чтобы максимально быстро добираться из пункта А в пункт Б. Единственное, что здесь недопустимо – пешеходы. Очень сложно среагировать, когда мчишься на всей скорости, а твое внимание отвлекает столп черного дыма. Ты притормаживаешь. И вроде как ниоткуда взявшемуся пешеходу, кажется, что ты увидел его. Именно за это он принимает твои горящие стоп-сигналы. Но на самом деле ты притормаживаешь ровно настолько, чтобы полностью остановиться к месту ДТП. И вообще не видишь этого человека, выбежавшего на трассу.

Я вижу, как белый BMW на высокой скорости сбивает мою жену. Она словно тряпичная кукла ударяется о лобовое стекло, подлетает вверх и с глухим шлепком разбивается об асфальт позади проехавшей вперед машины.

Следующую минуту я стою как вкопанный. Неподвижно, словно вылит из стали. Хотя надо бы подбежать и попытаться оказать помощь. Но где-то в глубине души, я понимаю, что любовь всей моей жизни мертва. Ей уже ничем не помочь. После такого удара не выживают. Она сама мне неоднократно говорила, когда мы натыкались на подобные видео на ютьюб.

Едкий дым, который разносится ветром с места трагедии, въедается в глаза и приводит в чувства. Именно в этот момент все вокруг снимается с замедленного режима. Я сам срываюсь с места и бегу на помощь своей жене. Может быть... хотя бы для того, чтобы сказать в последний раз, что люблю ее.

– Настя! Настя! – повторяю я, как мантру, падая на колени и приподнимая ее бездыханное тело с раскаленного асфальта. – Не уходи, пожалуйста. Я брошу! Я все брошу.

Она бессильно висит на моих руках. На ее волосах запекается кровь. Не дышит. Вспоминаю как проверять пульс и прикладываю два пальца к шее. Пульса нет. Может быть что-то неправильно делаю? Кисть! Опять ничего.

– Настя... – уже обессиленным голосом я предпринимаю очередную попытку докричаться до того света.

Но это больше не она. К нам подбегают люди из других машин, которые остановились возле нас. Кто-то тоже пытается прощупать пульс, но с разочарованием мотает головой, подтверждая мои собственные мысли.

Сирены. Местная полиция сработала быстро. Сколько времени прошло с момента аварии? Пять минут? Шесть? А машины с красно-синими мигалками уже мчатся в эту сторону.

Я поднимаю голову и вытираю лицо. Смотрю на водителя BMW. На убийцу своей жены. Он кому-то звонит по телефону. Думает, что я не понимаю по-итальянски.

– Мне нужна твоя помощь, Диего, – говорит он. – Кажется я сбил какую-то девицу. Похоже, русскую. Во всяком случае, ее мужик называет ее русским именем. Сможешь помочь? Но если я попробую уехать, то меня остановят. Полиция уже здесь. Точно сможешь? Ладно. Тогда я уезжаю.

Лысый заходит в машину и хлопает дверью. Я опускаю Настю на асфальт и бегу к тачке, пока ублюдок не выжал газ. Машина заводится и стартует с места. Я не успел.

Озираюсь. Никто даже не обращает внимание на уезжающего с места преступления ублюдка. Ему может все сойти с рук, если он уедет. По крайней мере, нельзя допустить того, чтобы он отшлифовал свою BMW.

Я бегу к своему «Хендай», разворачиваюсь и пускаюсь в погоню.

До какой скорости можно разогнаться на местной автостраде? Сто пятьдесят километров в час? Сто шестьдесят? Уже сто семдесят, но это еще не предел. Уже вижу кардан машины, которая сейчас действует на меня как красная тряпка на быка. Лысый замечает погоню. Выжимает газ и теперь едет быстрее. Но я уже близко. Что буду делать когда догоню? Решу по ходу.

Ровняюсь с BMW. Опускаю пассажирское стекло, чтобы приказать ему остановиться. Но в этот момент он дергает руль налево и сбивает мою тачку.

Солярис на огромной скорости запинается о разделительный бордюр и подсакивает. Все вокруг крутится, словно я снова в детстве в парке Горького на «Орбите». Удар. Еще удар. Яркий свет. Лежу на спине. Я вроде даже не пристегнулся. Наверное, вылетел через лобовое стекло. Черт...

Сквозь гудение в ушах слышу детские голоса.

– Врежь ему! Дай ему по харе! До первой крови, Кипяток! Пускай ему кровь!

Кто-то набрасывается сверху и хватает меня под силки.

– Ну и кто из нас гондон? – спрашивает напавший на меня... кто-то.

Наконец я продираю глаза и сквозь лучи закатного солнца вглядываюсь в лицо обидчика.

– Кипяток? – с недоумением в голосе произношу я.

– Ах, это я гондон?! – истерично орет мой одноклассник и ударяет мне в нос.

Боль пробивает до самых мозгов. Так, что хочется зажмуриться.

Это что такое? Вся жизнь перед глазами пролетает? Почему я снова...хм...в каком я классе подрался с этим чмырем? Пятый или шестой. И почему жизнь перед глазами долетела именно до этого момента? Потому что именно тогда я испытал один из самых больших позоров в своей жизни? До того, как позволил своей жене умереть. Или это просто сон?

– Все, у него кровь! Уже не интересно. Заканчивай с этим лохом, – крикнул Вантус.

Вантус. Быстро переобулся, когда на меня всех собак в классе вешать стали. А ведь мы в начальных классах за одной партией сидели. В этот день я и понял кто есть кто.

А что будет дальше? Кажется, вспоминаю. Сейчас Кипяток врежет мне еще раз, и все разойдутся. А я останусь лежать тут, как лох. Это они правильно подметили.

– Получай, урод! – кричит Кипяток и сильным ударом откалывает мне часть переднего зуба.

Кажется я чувствую, как кровь еще большим потоком хлынула из носа.

Отморозок встает с меня и отряхивается. Осенние листья прицепились к нему, как баный лист к одному месту. Завтра дворнику снова собирать их в кучу. Классная придет и сделает выговор. Все свалят на меня, а я окажусь козлом отпущения и почему-то все равно не признаюсь в том, кто виноват во всем на самом деле.

Нет. Раз уж мне дали шанс закончить эту историю по-другому, я это сделаю.

Вся толпа одноклассников и школьников из параллельного класса, начинает медленно расходиться. Сторож включил фонарь на школьном стадионе. Теперь свет прямым лучом

падает прямо на меня. Темнеет. После шестого урока, насколько помню, школьники часто собирались здесь стрелки. Ну ладно. Пора и честь знать.

Встаю. Это что еще мешается? Рюкзак с пятью килограммами учебников? Я даже не снял его перед дракой. Хотя какая драка. Это же просто избиение было. Пора показать этому ублюдку, что такое настоящая драка.

Кипяток поднимает свой рюкзак из другой кучи листьев и вешает его на плечо. Собирается уходить.

Я снимаю портфель и кидаю на землю.

– Эй, петух! – кричу я самым модным оскорблением в те времена. Знаю, что заденет.

Мой возглас заставляет обернуться не только Кипятка. Остальных тоже.

– Моя сестра бьет сильнее! – я вытираю рукой кровь с лица и сплёвываю к ногам Кипятка.

– Че сказал?

Мой оппонент свирепеет на глазах. Такого унижения он не испытывал за все девять классов в школе. Пока не поступил в ПТУ на сварщика. А тут я его авторитет уже на середине учебы подрываю. Должно быть сейчас он очень зол. Постойте-ка. Это свет так падает или он так покраснел от ярости?

– Я сказал, что любая девчонка из нашего класса бьет сильнее, чем ты, утырок! – добавляю я и улыбаюсь, демонстрируя всем свой сломанный зуб.

Мне показалось или в глазах моего обидчика блеснули языки пламени? Нет, точно какой-то глюк.

Вскипевший Кипяток скидывает рюкзак с плеча и бросается на меня. Я отхожу в сторону и подталкиваю его в спину, подставив подножку. Тот запинаясь и падает в кучу листьев, из которой я возродился. Толпа школьников вздыхает в едином порыве и становится максимально тихо. Бобик – дворняга, которого подкармливали все школьники у столовой в учебные дни, залаял где-то на другом конце стадиона.

Я не нападаю. Готовлюсь к следующей атаке Кипятка. Только... пуховик, черт возьми, на вырост. Сковывает движения. Он, вроде даже порвался быстрее, чем я до него дорос.

Расстегиваю пуховик и скидываю с себя. За это время Кипяток как раз успевает подняться на ноги. Готовлюсь принять удар и тут кто-то сзади хватается за меня. Вантус, черт...

Пропускаю удар в живот от Кипятка, затем со всей силы втапываю каблук на своем ботинке в ступню Вантуса, разворачиваюсь и бью ему по морде. Тот хватается за лицо и тут же получает коленом под дых. Легкий толчок и он уже валяется среди толпы.

Сзади уже набросился мой главный антагонист и повалил меня на землю. Правда вот я больше его. Осталось только развернуться и как следует ему врезать. Хотя есть еще один вариант.

Один удар затылком в морду Кипятка и его хватка ослабла. Разворачиваюсь и вижу лицо канючащего младенца. Я клянусь, он вот-вот разревется.

– До первой слезинки тоже считается! – выкрикивает кто-то из толпы.

Я просто замахваюсь, даже не планируя нанести удар, а Кипяток уже начинает реветь. Но толпа почему-то не смеется. Ну да ладно. Я добился чего хотел. Ставлю ему сливу и поднимаюсь на ноги.

Ох, как же я мечтал об этом. Надрать задницу самому крутому парню в классе. Помню, одно время, даже уснуть не мог, пока не представлю как бью ему по морде. Это отличное чувство. Правда в моих мечтах вся толпа начинала ликовать и скандировать мое имя. А Наташка набрасывалась на меня и целовала в щеку. Кстати, где она? Да и все одноклассники почему-то не ликууют.

И что теперь? К следующему воспоминанию? Или я тот счастливчик, которому удалось попасть в свое же тело, только на двадцать лет назад? Если это действительно так... Черт... Это одновременно и очень хорошо. И очень плохо. Я искренне ненавидел свое детство, также,

как и любил. Ладно, пойду домой, надеюсь эта не какая-нибудь альтернативная реальность и все будет на своих местах.

Пока я с глупой улыбкой на лице наслаждался своей победой, вокруг стало пусто. Все разошлись. Лишь Бобик прибежал и теперь терся о мои ноги.

Я надел пуховик и поднял портфель. В этот момент молния на нем порвалась и все вещи выпали на землю. Сколько раз мать зашивала мне его? Проще было накопить на более качественную вещь, но денег совсем не было. Поэтому сегодня она в очередной раз заштопает его. Если, конечно, на заводе не выдали зарплату и они с отчимом опять не напились.

Я встал на колени и принялся собирать вещи обратно в рюкзак. Учебники по математике, русскому языку и природоведению за пятый класс. Значит я не ошибся. Это девяносто восьмой год. Другие даже смотреть не буду. Тошнить начинает, едва подумаю об учебе. А вот это интересно.

– Дневник, – пробормотал я себе под нос. – Я заполнял его всегда на неделю. Можно узнать какой сейчас месяц и день. Так... Вторник, шестое октября...

Мог бы и запомнить эту дату. День моего позора. Смотрите-ка. Сегодня получил двойку за поведение. Интересно за что? Вроде, я всегда был примерным учеником. Ладно. Что тут еще?

Не может быть! Старый-добрый тамагочи! Вот и виновник моей двойки за поведение. Наверняка опять уткнулся носом в игрушку и не записывал. Но родителям чхать на мои оценки, поэтому меня не сильно и тогда, и, тем более, сейчас расстроила эта двойка. А, черт. Опять пес сдох. Видимо сегодня было не до ухода за питомцем.

Линейка, ручка, карандаш. Дальше один учебный хлам. Глупо было даже надеяться, что завалюсь пару лишних рублей. Наверняка последний рубль пятьдесят потратил на сосиску в тесте.

Я запихал все в портфель, застегнул его как смог и пошел домой. Благо, моя двухкомнатная хрущевка находится через несколько домов от школы.

– Фунтик! – крикнул кто-то с площадки возле дома, где я проходил, а следом за голосом прилетела палка и упала рядом со мной.

Глава 2. Искусство извиняться

Я остановился, нахмурился и попытался разглядеть зовущего. Да, дурацкое гребанное прозвище Фунтик – мое. Даже не помню кто его придумал и почему оно ко мне прилипло. Но ужасно ненавидел, когда кто-нибудь меня так называл.

– Мне Юлька сказала, что ты Кипятку по морде дал... – с большими глазами вышел из кустов Серый.

Один из двух моих лучших друзей. Учится на два года старше и уже в первую смену. В отличие от меня, того, которому приходится идти в школу, когда счастливики уже свободны, как ветер в поле.

– Пора было воспитать этого мудака, – довольный собой ухмыльнулся я.

– Это же сейчас пипец че начнется... – Серый подобрал палку, кинутую в меня несколькими мгновениями ранее, и ударил ей кусты.

– В каком смысле пипец че начнется? – нахмурился я. – Сейчас все будет по-другому, Серый. Никакие мудаки из школы больше не смогут отбирать у нас деньги и тратить их на свои нужды. Наши законные обеды теперь будут нашими.

– Ха! – хмыкнул мой друг и почесал большой шрам над бровью. – Если эти деньги у твоих предков еще будут...

У моих предков и денег никогда особо не было. Но Серый говорит так, будто я чего-то не знаю. Интересно чего? Как удар по морде Кипятка может отразиться на финансовом благополучии моей семьи? Может я просто что-то забыл? Все-таки больше двадцати лет тут не был.

– Гулять выйдешь? – спросил Серый, когда я снова пошел в сторону дома.

– Не знаю, – крикнул я, оборачиваясь. – Может часов в девять!

– Девять?! – испуганно отозвался он. – У тебя реально шарики за ролики закатились...

Из-за темноты я уже не видел своего друга, но, кажется, тот покрутил пальцем у виска.

И с каких пор мы перестали гулять после девяти? Его предки всегда относились к этому нормально, а моим было насрать. Что происходит?

Очень скоро я дошел до родного двора. Здесь даже пахнет так, как тогда. В далеком детстве. Вон хлопает дверь первого подъезда. Еще даже замки не ставят, а о железных дверях с домофонами вообще молчу. Первые появятся только лет через пять.

Я живу во втором подъезде на улице Пушкинской. Захожу внутрь. Все стены исписаны надписями «Nirvana», «Prodigy», «Оных», «Фунтик ЛОХ», «Света королева минета» и другие. Фраза про меня читается тут сложнее всего, потому что... как сейчас помню, я ее очень старательно затирал. А некая Света жила на третьем этаже и съехала вскоре после появления надписи про нее. Вряд ли это как-то связано, но факт остается фактом – мотивации затирать текст про Свету ни у кого не осталось. У меня – тем более. Она хорошо отвлекала внимание от определения моей сущности.

Поднимаюсь на пятый этаж. Сильно пахнет жареной рыбой. Хоть бы это мамка готовила. В противном случае опять придется обходиться несколькими кусками жареного хлеба на ужин. Что-то, а буханка «дарницкого» дома всегда есть.

Засовываю руку в левый карман. А вот и ключ. Квартира тридцать девять. Ключ подходит. Открываю.

Свет выключен. Это плохой знак. Значит рыбой пахнет не из нашей квартиры. Из нашей пахнет несколькими пачками «Примы», выкуренной безработным отчимом за день.

Бросаю все свои вещи в коридоре и прохожу на кухню. Тут работает маленький черно-белый телевизор. Включаю свет. Пара тараканов разбегается под холодильник и кухонный гар-

нитур. На столе валяются пустые флаконы из-под тройного одеколona. Ясно. Значит зарплату мамке не дали. В дни полочки они обычно пьют водку.

Скорее всего сейчас мать с отчимом спят в своей комнате. Они оба не дожили и до две тысячи десятого. Один умер от рака легких, вторая пропала без вести. И, наверное, было бы правильно прийти сейчас в комнату, разбудить мать и обнять ее. Ведь мы не виделись столько лет. Но что-то меня останавливает. Скорее всего, желание, после стольких лет, впервые увидеть ее в трезвом виде. А не тогда, когда она просто отмахнется от своего десятилетнего сына. И снова заснет.

Да. Одиннадцать мне исполнится только через два месяца. К этому времени я буду до сих пор жить во второй комнате со своей старшей сестрой. Сейчас ей уже шестнадцать. Ее отец дает ей деньги на одежду и карманные расходы. А еще ее обеспечивают постоянные хахали. Они периодически ночуют у нас и трахают ее на соседней от меня кровати. Но Машка не шлюха. Хотя в эти времена я так думаю.

Заглядываю в холодильник – там мышь повесилась. Но хлеб, как я и думал, лежит. Масло и соль есть. Сковородка тоже. Пожарю пару кусков и голод пройдет.

Я уже и забыл каково это. Пытаться наесться тем, что есть. Колбаса у нас вообще только по праздникам бывает. И то – ливерная. Скорее всего, потому что «и дешево, и сердито», как любит выражаться моя мать.

Через несколько минут я сидел за столом с чашкой чая и куском жареного хлеба. Пялился в маленький телевизор.

Начались вечерние новости. Я поправил антенну, чтобы звук стал четче и прислушался.

– Курс доллара к рублю на сегодняшний день составляет пятнадцать рублей семдесят семь копеек, – проговорила ведущая новостей и запустился репортаж о центральном банке.

Пятнадцать рублей за доллар! Нужно найти любые способы, чтобы приобрести как можно больше валюты и уже через десять лет я пожму первые плоды. Уже не говоря о том, что будет через двадцать.

Но я не учел одной маленькой и совершенно незначимой детали, черт возьми. Чтобы купить валюту нужны деньги. Как я их могу заработать в десять лет в стране, которая только поднимается с колен? Это вопрос. Чебурашек столько не насобираешь. Буду опережать великие умы моего времени и красть идеи. А какие еще варианты?

Мои мысли перебил голос ведущей, которая уже сообщала следующую новость. Я и забыл, что все выпуски в это время были с субтитрами.

– На новый год в Москву будут приглашены лучшие ученики всех школ Российской Империи. Непревзойденный, до этого времени, по своим размерам бал откроет свои двери для тысячи ста одаренных. Уже сейчас, по промежуточным итогам первой четверти, есть ученики, которые претендуют на поездку на бал. Мы взяли интервью у самых отличившихся.

– В прошлом году я учился еще в третьем классе и мне нельзя было поехать на бал... – сказал первый школьник, ко рту которого подставляли микрофон.

– Это же Кипяток, мать твою! – вслух выпалил я и с грохотом поставил кружку на стол.

От удара чай выплеснулся за края на старую прожжённую окурками скатерть. Я подвинулся ближе к телевизору и сделал громче.

– На данный момент у меня в дневнике только пятерки, – сказал прилежный Кипяток с зализанной на бок черной челкой. – И я уверен, что к тридцать первому декабря буду одним из одаренных, которые окажутся на этом балу.

Одаренный?! Кипяток? Одни пятерки? Под интервью других школьников я продолжал рвать на себе волосы. С этим миром точно что-то не так. Он одновременно похож на тот, в котором я вырос и одновременно совершенно другой. Да я и сам тут вломил своему главному школьному врагу, хотя в истинном мире только мечтал об этом. И что значит «одаренный»?

Едва мое возбуждение прошло, и я откусил очередной кусок от своего советского тоста, как на экране появилась девочка.

– Как тебя зовут?

– Меня зовут Настя.

– Откуда ты?

– Из Санкт-Петербурга.

– Ты тоже хочешь поехать на новогодний бал в Москву?

– Конечно, – отозвалась девочка. – Любой одаренный мечтает стать участником этого невероятного события. Мои родители наняли репетитора для дополнительных занятий по целительству. У меня уже есть успехи. И, если честно, я даже немного опережаю школьную программу по этому предмету.

– Император России обещал подумать над тем, чтобы увеличить количество квот для школьников, которых сможет принять на новый год Кремль. Но и количество желающих, как вы видите, также возросло, – договорила новость ведущая и перешла к другой. – Отряд специального назначения по указу Императора России Бориса Ельцина...

Дальше я не слушал. Хотел перемотать назад, но не знал как. Это была моя Настя. Это точно она! И я не думал, что когда-нибудь еще увижу ее. Живую. И ее предки всегда были такими. Успешными и готовыми сделать ради дочери все. Вот и репетитор подъехал. Мне на такое, конечно, рассчитывать не приходится. Но я однозначно должен оказаться на этом чертовом балу и завоевать ее! Снова!

– Ты чего разорался, шкет? – протирая глаза, на кухню вошла моя сестра.

Я потерял дар речи. Наши отношения в прошлой жизни не сложились, и я не видел ее лет десять. А сейчас она стояла передо мной в своих шортах и белой футболке, больше напоминая мне младшую сестру, а не старшую. Шестнадцатилетнюю девчонку, которая просто пошла не по тому пути. И нормального отца у нее не было, чтобы ее наставить на правильный путь.

Вот же он! Шанс сделать все по-другому. Вылезти из бедности, вылечить мать, позаботиться о сестре и попасть на этот новогодний бал... Не говоря уже о том, что сейчас у меня огромное преимущество – знания, которые помогут разбогатеть и стать по-настоящему кем-то великим.

– Ты онемел? – сестра блеснула своими зелеными глазами, поправила резинку на волосах и заглянула в холодильник. – Опять свой хлеб жрешь? Подожди, я сейчас блинчики сделаю.

Она достала из холодильника два яйца и разбила их над кастрюлей. Молока нет, но она всегда делает их на воде. И дешево, и сердито...

– Что сегодня проходили в школе? – спросила Машка и бросила на меня уже проснувшийся взгляд. – Что у тебя с носом? – вдруг встревоженно выпалила она, кинула ложку в кастрюлю и подбежала ближе. Схватила прохладными ладонями за щеки. Даже боль притупилась от холода. Нужно было сразу приложить лед.

– Надрал кое-кому зад, – сухим голосом ответил я.

– А ну покажи зубы, – она схватила меня за подбородок и приподняла верхнюю губу.

– Ай, – вскрикнул я от боли.

Похоже Кипяток приложился мне по челюсти. Хотя жевать было не больно. Или я просто не почувствовал боли?

– Еще и зуб сломал, – продолжала ворчать Машка. – С кем подрался? Отвечай, быстро!

– С Парфеновым, – бросил я и откусил кусок от своего тоста. Он звонко хрустнул на всю кухню. Пережарил. Так даже вкуснее.

– С Парфеновым? – изумленно повторила она. – Я надеюсь, ты... не ударил его?

В каком смысле? Ты моя сестра или чья? Смотреть на избитого собственного брата и интересоваться судьбой ублюдка, который нападает со спины? Я уж и забыл из-за чего мы с Машкой перестали общаться. Похоже, как раз из-за подобных случаев.

– Я разбил этому козлу нос, – гордо произнес я и нарочито громко отхлебнул из чашки.
– Вот черт... – сестра схватилась за голову и попыталась успокоиться. – Сколько времени? – она посмотрела на настольные часы. – Мы уже не успеем вернуться до девяти. Я сейчас же позвоню в поместье Парфеновых, и ты извинишься за то, что сделал.

Да что у них тут после девяти вечера? Алкоголь перестают продавать? В последний раз в моем мире так торопились успеть до определенного времени именно по этой причине.

– Я? Извинюсь? Похоже ты меня с кем-то перепутала, – пожал плечами я и даже не сдвинулся с места.

– Да что с тобой происходит? – она внимательно посмотрела в мои глаза как будто не признала.

Не удивительно. Внутри этого десятилетнего ребенка, который шел всегда у всех на поводу теперь сидит взрослый мужик. И он не собирается плясать под дудку остальных. Поплясал уже однажды. Хватит.

– Ладно, – выдохнула брюнетка. – Сама извинюсь за тебя перед Александром Николаевичем. Потом спасибо скажешь.

– Перед отцом этого малолетнего ублюдка? – возмутился я.

Но след сестры уже простыл. Она выбежала из кухни, а через десять секунд появилась со старинным телефоном в руках. Красный с черным круговым номеронабирателем. Вот это древность! Я уж и забыл, что такие бывают. Люди, у кого в номере телефона была цифра ноль, сразу попадали в мой черный список.

Маша приложила трубку к уху, а второй рукой держала телефон.

– Алло? Это Мария Ракицкая. Могу я поговорить с Александром Николаевичем.

И я должен смотреть, как моя сестра пресмыкается перед семьей этого мудака? Слушать эти мольбы? Да уж. Это выше моих сил.

– Алло, Александр Николаевич? Это Мария Ракицкая, сестра Кости. Да, он уже рассказал, что они с Егором подрались. И он очень сильно извиняется. Говорит, что это совершенно случайно случилось. Он абсолютно не хотел драться и тем более бить вашего сына. Не знаю, что там произошло, но все это – нелепое стечение обстоятельств.

А вот это уже наглая ложь. Извиняться за меня, ну... из каких-то неизвестных мне побуждений можно. Но стелиться перед пузатым мужиком и говорить, мол я не я. Не позволю.

– Да, он сам обязательно извинится. Просто сейчас вышел, чтобы выбросить мусор. Сами понимаете, время до девяти доходит... – солгала Машка.

– Я вернулся, – я показал сестре жест и попросил отдать мне трубку.

– Ой! Костя как раз вернулся. Сейчас, передаю трубку.

Машка с широко открытыми глазами беззвучно открывая рот еще раз приказала мне вести себя нормально и вручила гладкую трубку нашего телефона.

Я потрогал языком кончик своего обломанного зуба, чтобы напомнить себе, что за мудозвон это Кипяток, цокнул и заговорил.

– Александр Николаевич? – спросил я еще не сломавшись, но очень серьезным голосом.

– Да, Константин, – послышался бас из динамика. – Твоя сестра сказала, что ты хочешь принести извинения за свой глупый поступок.

Глупый, значит? Это он зря конечно.

– Да... – произнес я. – Но сперва, Александр Николаевич, хочу сказать вам, что ваш сын полный мудака. И если раньше кто-то боялся набить ему морду, то все поменялось. Я надеюсь, с сегодняшнего дня вы займетесь воспитанием своего отпрыска. Потому что то, что представляет этот гомо сапиенс из себя сейчас – просто стыд и срам для его родителей. Для вас, то бишь. Я искренне вам соболезную и извиняюсь, что не научил его манерам раньше... Алло? Вы тут?

Машка стояла, как окаменевшая. Сперва она еще пыталась вырвать у меня трубку, но в какой-то момент поняла, что я зашел слишком далеко. Слишком много сказал. Ну а что? Будь

я таким же говенным папашей, я бы, наверное, хотел услышать правду о своем сыне, каким бы гондоном он не был на самом деле. Ведь возможность переучить ублюдка это не значит смириться с тем, кто он есть.

– Кажется, Александр, – я сделал паузу. – Николаевич случайно сбросил. Если хочешь, можешь набрать его еще раз. Мне показалось, он не дослушал до момента моих извинений.

– Кто ты? – сестра еще раз внимательно посмотрела на меня. На ее глазах наворачивались слезы. Как будто от страха.

Я положил трубку туда, где ей место и обнял Машку. Впервые за долгие годы. Так, как младший брат обнимает старшую сестру. Хотя я и был на самом деле сейчас гораздо старше.

– Послушай, Маш, – начал я. – Ты сама знаешь в каком дерьме мы живем. И долгие годы еще ничего не изменится. Ты вырастешь, выйдешь замуж за какую-нибудь криминальную шестерку и родишь ему дочь. В итоге он променяет вас на несколько доз кокаина и сдохнет от передоза. Ты встретишь другого, но в новом браке не будет лучше, – я говорил все это, не видя лица сестры, но надеялся, что она не считает меня психом. – А наша мать? Неужели ты думаешь, что у нее есть шанс прожить еще долго, если она не остановится? Если не перестанет губить свою жизнь алкоголем? Я обещаю, что помогу нам всем вылезти из этой ямы.

Теперь я поднял глаза и посмотрел на сестру. Не знал, что ждет меня на ее лице. Гри-маса разочарования или равнодушие? Но был приятно удивлен. Машка плакала и дружелюбно улыбалась.

– Дурачок ты, Костя, – проговорила она, потрепав меня по волосам. – Садись. Сейчас я блины приготовлю...

Она не успела договорить, как будильник, стоящий на столе, зазвенел.

– Уже девять! – спохватилась она. – Закрывай ставни на кухне, а я пробегу по комнатам.

Я бросил удивленный взгляд на окно. Такого в моем детстве точно не было. И эти самые ставни, которые в свете полной луны, я сейчас видел довольно четко, тоже никогда не украшали фасад нашего дома. И зачем нужно закрываться после девяти вечера? Что ждет меня на улице, если я решу выйти сейчас? В девять ноль одну...

Глава 3. Не бей! Дай удары посмотрю

Телевизор тихо работал. Я слышал, как в комнатах стучат ставни, а сам не торопился их закрывать. Да и не знал как. Жутко интересно что там. На улице. Чего все так боятся после девяти вечера?

Я убрал с подоконника стопку газет, которыми каждый божий день забивали почтовый ящик и забрался наверх. Открыл форточку. Очередная порция ошметков краски с оконной рамы осыпалась на мои черные носки. Высунул голову наружу и тут же почувствовал дуновение морозного осеннего ветра.

Принялся вглядываться в темноту. Деревья, которые растут прямо перед нашими окнами раскачиваются все сильнее. Заставляют бесшумный ветер обнаружить себя. Листья срываются с веток и уже через несколько секунд я теряю их из виду в кромешной тьме двора.

Странно. Сейчас еще не поздняя осень. Обычно тут были слышны голоса детей, играющих на каменной площадке в бадминтон или квадрат, исполняющей роль детской. А сейчас очень тихо. Прямо как на огороде ночью, когда выходишь из домика, если приспичит в туалет.

Замечаю вспышку света. Очень странную. Синее пламя вспыхнуло где-то посреди двора и теперь переливается разными оттенками синего. Еще одна вспышка. И еще. Пробирающий до костей визг. Я вздрогнул от неожиданности. На фоне луны как будто что-то промелькнуло. Или мне показалось? Нет. Точно. Я совершенно точно что-то видел.

Визг перерос в какое-то щебетание. Оно становится все громче и громче. И инстинкт самосохранения вроде как пытается достучаться до меня, чтобы я наконец засунул голову обратно в кухню, но любопытство сильнее. Оно подсказывает, что я вполне могу подождать еще.

Опять эта тень. Я затаил дыхание. Не моргаю. Что-то приближается ко мне. И вроде бы пора убраться отсюда, но я не могу абсолютно ничего сделать со своим телом.

Сущность приближается все ближе. Синие глаза блеснули в свете луны. Нечто приближается все ближе и разевает пасть. Я не могу двигаться.

– Какого хрена!

Вдруг кто-то хватает меня за ремень сзади и стаскивает с подоконника. Форточка с громким звуком хлопает. Машка тянет за какие-то веревки и ставни снаружи закрываются, перекрывая путь тени. Именно, тени. Сущности с горящими синими глазами, похожей на призрака. По крайней мере, ее тут нет.

Я сижу на полу рядом с кошачьими мисками и пытаюсь прийти в себя. В носу стоит запах засохшего «Китекета». Голова кружится. Толи от падения, толи еще от чего. Сестра нависает сверху и причитает. Я не слышу. В ушах гудит.

Со временем гудение проходит, а голос Машки становится слышно все четче.

– ...это не игрушки, Костя! Я думала ты взрослый парень. Что с тобой происходит? После этой драки с Парфеновым ты сам не свой! – она наконец останавливает свою автоматную очередь из слов и выдыхает. – Ладно. Давай есть и пойдешь спать. Завтра нужно будет записаться к стоматологу. С таким зубом ни одна девчонка на тебя не посмотрит.

Надо же, какая забота. Мне до первой девчонки еще как до луны. А если с Настей успею побыстрее наладить контакт, то ни одна и не понадобится. Хотя...чем черт не шутит. Я же сейчас, вроде как, свободный.

Затем сестра отвернулась к плите и принялась печь блинчики. Как будто ничего не произошло, и какая-то неведомая тварь только что не пыталась меня сожрать. Это спокойствие может быть оправданно только одним – эти странные тени появляются каждую ночь, но абсолютно безобидны, если в это время ты находишься в укрытии. Нужно бы узнать, что это за твари и откуда посреди моего старого-доброего двора они взялись.

Сестра пекла блины, которые тут же пропадали с тарелки. Она явно не успевала за моей скоростью поедания мучных деликатесов. Сложно было остановиться. С бабушкиным малиновым вареньем они были вкуснее чизкейков, которые я обожал в двадцать первом веке.

Конечно, спрашивать напрямую о том, что происходит в это самое время на улице, я не стал. Хватит с Машки и того, что я сегодня натворил. Не хочется, чтобы она перестала меня признавать. Ведь я и есть я. Просто из другого мира. Несколько дней и адаптируюсь. Постепенно буду показывать родственникам свой новый характер, и они сочтут его за ранний переходный возраст. Этого будет достаточно, чтобы собственные предки не выгнали меня из дома. А о том, что за херня происходит на улице, я уверен, рассказывают в школе.

После ужина я забрался в душ и почистил зубы, в очередной раз удивив свою сестру моей внезапно проснувшейся любовью к гигиене. Уже через час я стоял в своей старой детской комнате.

Детской она называется просто потому, что тут спим мы с сестрой. И только поэтому. Я всегда с завистью смотрел на комнаты своих сверстников. С веселыми обоями, детской кроватью, компьютером и конструктором «LEGO». В моей комнате отсутствовало все это. Здесь две односпальные кровати. Письменный советский стол. Советский шкаф и тюль на окне. О игрушках, компьютерах и всем остальном, и речи не идет.

Я лег на кровать, но прежде, чем заснуть, долго ворочался. Мысль о втором шансе и возможности все исправить будоражила и заставляла адреналин бежать по венам. В прошлой жизни я выкурил бы уже сигарет десять, но здесь даже не тянуло. Привычка, вместе с зависимостью пропали. А точнее сказать, здесь их никогда не было. Так, под мечты о том, как я богатею и делаю счастливыми своих близких, я уснул.

Проснулся среди ночи от приглушенных хихикающих голосов.

– Тише, Вадим, мелкого разбудишь, – шептала моя старшая сестра.

– Я хочу тебя, детка, – отвечал голос незнакомца. – Давай сделаем это по-тихому. Я буду очень нежным.

О, нет. В первую ночь и попасть в один из самых дерьмовых моментов моего детства. И как этот урод оказался у нас? Со сколько и до сколько действует этот комендантский час? Когда эти странные тени прекращают бродить по улицам и кошмарить народ?

Я бесшумно накрылся одеялом с головой, как делал это всегда. скрип старого матраса дал понять, что этот Вадим слишком настойчив.

– Тебе понравилось платье, которое я тебе сегодня принес? – спросил хахаль моей сестры.

– Оно красивое, – возбужденно выдохнув, ответила она.

– Я принесу завтра тебе еще туфли к нему, хочешь? – шептал Вадим и, по-видимому, мацал Машу за все ее прелести. – У матери куча этого добра, которое она готова отдать будущей невестке.

Короткий стон. Ублюдок вошел в нее. Кровать начала скрипеть и биться о стену. Я закрыл глаза, пытаюсь сдержать злость. Ведь всем похер, что на соседней кровати вовсе может не спать, а бодрствовать десятилетний мальчик! Если у одной нет мозгов, чтобы подумать об этом, то у второго должна быть хотя бы гребанная честь!

– Тише... Тише... Костю разбудишь, – срываясь с шёпота, стонала она. Но Вадима это только сильнее возбуждало.

Пора прекращать это представление. Если я захочу посмотреть порнуху, я дождусь субботы и включу Рен ТВ. А с сегодняшнего дня наша жизнь меняется, мать вашу.

– Кхм, кхм, – я кашлянул и движения прекратились.

Пауза. Вадим решил, что я снова сплю и опять осторожно принялся за дело.

– Маш, – сказал я вслух негромко. Но в тишине, которую они пытались с имитировать, как она свой оргазм, мой голос звучал как раскат грома.

– Да, Кость? – ответила сестра настороженно, не в силах скрыть одышку.

– Сегодня я нашел направление на анализы. Валялось на полу. Положил его на стол, если что, – произнес я сонным голосом.

– На какие анализы? – растерянно спросил Вадим.

– Твой друг вообще знает, что ты сдавала кровь на ВИЧ? – как бы невзначай спросил я.

В комнате стало настолько тихо, что я, кажется, расслышал даже то, как желание Вадима собирает свои манатки и покидает сперва его трусы, в затем нашу комнату.

– Ты что такое говоришь? – недоумевая произнесла Машка.

– Я... – нарочно растерялся я. – Я случайно вспомнил об этом именно сейчас. Эта мысль даже... разбудила меня.

– Мне пора, – начал собираться ухажёр моей прекрасной сестры. – Я позвоню тебе.

– Постой, Вадим. Не уходи...

Она выбежала за ним в коридор и выяснение отношений еще какое-то время продолжалось. Но я уже не слушал. Я вскоре заснул, а проснулся только на следующее утро от того, что солнце било прямо в глаза.

– Сколько я проспал? – я спросил вслух и, по привычке, попытался нащупать свой айфон под подушкой.

Однако постепенно вспомнил все, что произошло вчера и перестал предпринимать попытки найти то, чего еще не изобрели.

Никто не ответил на мой вопрос. Я повернул голову налево. Траходром был пуст. Тогда я поднялся с кровати, подошел к письменному столу и посмотрел на настольные часы. Десять. Любовь ко сну куда-то не пропала. Никогда не умел вставать в семь утра.

Вытащил дневник из портфеля. Открыл текущую неделю. День. И как я мог не заметить? Кроме обычных предметов тут есть очень странные названия. Сегодня, например, будет урок под названием «Власть стихий». Это ОБЖ что ли? История – понятно, ИЗО – понятно, а вот это что? Артифакторика. Что еще за херня? То, что с этим миром не все в порядке, это я понял. Но я теперь что, русский гребанный Гарри Поттер?

Разбираться самому бессмысленно. Нужно просто успеть на урок истории к двум часам.

Согласно указанным в дневнике предметам, я собрал учебники с тетрадами в портфель и вышел из комнаты. Посмотрел на кухню и не поверил своим глазам. На стуле сидела моя мать. Спинай ко мне, но я все равно узнал ее. По кудрявым каштановым волосам и по сутулой сломленной судьбой спине. Она смотрела телевизор и не двигалась. Вернее, она неподвижно пялилась в ящик. Если у людей есть хоть какой-то интерес к происходящему на экране, они ведут себя по-другому.

Мое сердце заколотилось с бешеной скоростью. Наши отношения не сложились в прошлой жизни. Она пила, и я стал игнорировать ее. Мы могли не общаться месяцами, а когда я решил поздравить маму с очередным днем рождения, выяснилось, что никто из родственников и знакомых несколько месяцев не видел ее. Дальнейшие попытки отыскать ее ни к чему не привели. Тогда я понял, что мы больше никогда не увидимся.

Я жалел. Сильно жалел о том, каким мудаком оказался и о том, что посмел дать почувствовать матери, что родной сын не хочет иметь с ней дело. И вот сейчас она сидит на кухне, в паре метров от меня, и ждет, когда я все исправлю. По крайней мере, я хочу так думать.

– Мам, – произнес я тихим детским голосом. За ночь совсем отвык от него.

– Да, сынок, – она обернулась и украдкой вытерла слезы.

Взрослые всегда думают, что делают это незаметно, но, на самом деле, дети все видят.

– Почему ты плачешь? – спросил я, полностью вжившись в роль сына и замер, держа в руке портфель.

Мой взгляд упал на бутылку водки на столе. Вот сегодня зарплату дали.

– Я не плачу, – начала оправдываться она. – Ты будешь кушать?

Мать встала из-за стола и принялась разбирать пакеты с продуктами. Уже сходила в магазин и прикупила еды. А вот разбирать не торопилось. Видимо, случилось что-то действительно из ряда вон выходящее.

Почувствовать вновь материнскую заботу было невероятно. Жаль правда, что завтракать с утра я научился, только когда мне исполнилось семнадцать. Когда врач запретил курить натошак.

– Нет, спасибо, – отказался я от предложения поесть. – Что случилось?

Мать вздохнула, ее рука потянулась к рюмке, но она вовремя остановилась. Пить при сыне ей было всегда стыдно.

– Сегодня Александр Николаевич уволил меня, – она сделала паузу, чтобы сдержать слезы.

Затем отвернулась, чтобы я не видел их и продолжила выкладывать кошачью еду из пакета.

– Почему? – нахмурил брови я.

– Причины не объяснил, – пожалала она плечами, стоя спиной ко мне. – Ладно хоть последнюю зарплату выплатил.

Я посмотрел на небольшую пачку банкнот, разбросанных на столе. И одновременно с этим логическая цепочка из вчерашних событий привела меня к выводу. Я не был уверен в нем, но похоже Александр Николаевич в этом мире гораздо более крупная рыба, чем в истинном. И вот чего на самом деле боялась Машка. Удар Кипятку по морде, стоил работы моей матери. Я уж не знаю какие сюрпризы теперь ждут меня в школе. В общем, как говорится, яблоко от яблони недалеко падает. Оказывается среди Парфеновых не один мудака. Там целая семейка таких.

– Вот, держи. Это тебе на обед, – мать взяла со стола сто рублей и протянула мне.

Я не отказался. Всяко лучше, чем она просто пропьет их. А так, это уже почти семь долларов. Еще немного и я новый Абрамович. Кстати, на чем он разбогател? Знать бы, что попаду в прошлое, я бы сутками изучал биографию богатых личностей.

– Спасибо, – я убрал деньги в носок. Типы, которые забирали эти деньги раньше, никогда не догадывались там поискать. – Не переживай так. Ты обязательно найдешь другую работу. Самое темное время суток всегда перед рассветом.

Мать удивленно и с любовью посмотрела на меня. Кивнула. Не могу видеть, как они мучаются. Руки чешутся все исправить.

– Ладно, мне пора, – обнял я ее.

– Уже? – удивилась мать. – У тебя же первый урок в два?

Теперь удивился я. Не припомню, чтобы кто-то из моих родственников когда-то был в курсе моих школьных дел.

– Приду пораньше. Еще домашку сделаю, – махнул я рукой и пошел в коридор.

– Костя! – мать окликнула меня.

– Да, – я повернулся.

– Тебе Женя звонил утром. Сказал, что срочно хочет поговорить. И просил передать, что будет в игровом.

– Угу, – кивнул я. – Спасибо.

– Подожди, я тебе хоть рюкзак зашью.

– Вечером, мам! – крикнул я, уже закрывая за собой дверь.

Я хорошо помню, где находился игровой зал. Там мы с парнями собирались, если были свободные деньги. Несколько раундов в Мортал Комбат, или пару заездов в Крэш Бандикут. Сейчас деньги на компьютерные игры я тратить, конечно, не собираюсь. Но вот, что хотел от меня Жендос, узнать надо.

Жендос, кстати, второй из моих друзей. Сейчас учится в шестом классе и тоже во вторую смену. Узнать его можно по торчащим ушам и высокому росту среди всех завсегдатаев игрового зала. А вот, кажется и он.

– Мамка сказала, что ты мне звонил, – я ухватил Жендоса за плечо и заставил того вздрогнуть.

– Костян? – он на мгновение оторвал глаза от экрана, убедился в том, что это я и принялся дальше вертеть джойстиком из стороны в сторону, как будто это помогало его герою лучше поворачивать. – Серый сказал, что ты вчера вмазал Кипятку. Это правда?

– Правда, – ответил я уже менее радостно. – Только мою мать сегодня уволили. Подозреваю, что эти события как-то связаны...

– Подозреваешь? – усмехнулся Жендос. – Наверное, предки каждого десятого школьника работают на этого мужика. Ты оказался очередным простофилей, который решил, что, дав сдачи, гнев аристократа его обойдет. Хотя не слышал, чтобы кто-то вообще осмеливался на это...

Аристократы? Это что-то интересное. То, что Российская Федерация вдруг стала Российской Империей не так меня смутило, как это. Ха! Теперь ясно, почему я все детство провел в нищете. Просто были аристократы, а были простолюдины. Такие как мы с Жендосом.

– А ты о чем поговорить хотел? – напомнил я цель своего визита. – Мать сказала, что очень срочно.

– Да-а-а... – ответил он и сделал паузу, потому что на экране был напряженный момент. – Серый сказал, что ты его вчера гулять после девяти звал.

– Ну... – я замялся. – Но он как обычно зассал.

– Вот черт! – Жендос психанул и ударил джойстиком о столешницу.

– Эй, шкет! – послышалось из-за стола администратора. – Еще раз попытаешься испортить казенное имущество и больше не зайдешь сюда, ясно?

Жендос обиженно посмотрел на администратора и вытер рукавом нос.

– Ты че, Мортал Комбат не можешь с первого раза пройти? – подколот я друга.

– Ты сам-то можешь? Тут любой об Мотаро или Шао Кана спотыкается. Еще никто с первого раза не проходил.

– Ха, – пожал я плечами. – Испытание для лохов.

– Для лохов?! – взъерепенился Жендос. – Я дам тебе полтинник, если с первого раза пройдешь.

– По рукам! – я протянул ладонь за джойстиком.

– А если, умрешь, то ты мне полтос, – повременил с передачей главного оружия Жендос.

– Согласен.

Перспектива срубить легких денег меня обрадовала. Но вместо того, чтобы отдать мне джойстик, Жендос вдруг закричал на весь игровой.

– Пацаны! Фунтик сказал, что большой столбец в мортале пройдет ни разу не проиграв! Задроты, облепившие приставки обратили на меня внимание.

– Гонит! – сказал Петросян. Рыжий парень по имени Стас. – Редко кто и с десятого раза проходил.

– Я ему полтос дам, если получится, – добавил Жендос.

– Тогда я тоже, – ответил рыжий. – Но если обосрешься, тогда полтинник уже с тебя!

– Тогда я с вами, – присоединился к пари Толстый. Еще один парень из школы, понятно, чем выделяющийся из толпы.

Буквально минута и любителей поставить собралось столько, что мне не хватит ста рублей, чтобы рассчитаться, если Шао Кан зажмет меня в углу и сделает фаталити.

Глава 4. Фаталити для аристократа

Я держу черный джойстик в руках. От «Sega Mega Drive». Гладкие полукруглые формы. Когда-то я считал его гораздо привлекательнее женщин. Слегка вдавленные кнопки из-за большого количества любителей заплатить поменьше, чем те, что играют в первую плейстейшн. Мое главное оружие слегка намокло от потных рук Жендоса и поэтому ладони о кофту теперь приходится протирать мне.

– Ну давай, Костян! Я уже хочу свои денежки! – рыжий нагнетает обстановку.

Я абсолютно не боюсь. Когда мы зависали в этом зале, было лишь несколько человек, которые могли сделать больше одного фаталити. И то самого простого. А я еще несколько лет практиковался в искусстве добивания, прежде чем бросил это дело. Мои пальцы научились ловко управляться с разными комбинациями кнопок. Но сейчас до этих времен еще далеко и все задроты знают меня с худшей стороны. Как жопорукое Костяна. Именно поэтому так легко поставили на кон свои кровные.

Сажусь на стул, учтиво освобожденный Жендосом. Выбираю уровень сложности.

– Можете сами выбрать персонажа, – говорю я, подтягиваясь и испытываю легкую приятную дрожь во всем теле от волнения.

Не играл давно. Но мышечная память все должна помнить.

– Бери рептилию и пофиг, – говорит Толстый.

Остальные соглашаются. Я выбираю бойца и захожу в первый бой.

Сколько мне понадобится времени, чтобы победить первого противника? Может минута. Но не сильно дольше.

– Ну-у-у, тут любой справится, – махнул рукой Жендос, как только я одержал первую победу. – Посмотрим, как дальше будет.

Дальше все было четко. Я делал фаталити одному противнику за другим. Мне казалось, что пацаны готовы отдать все деньги просто за то, чтобы посмотреть очередную фишку, которую я им покажу. В игровом зале стоял восхищенный гул, пока дверь со скрипом не отворилась и все по инерции не решили посмотреть кто там пришел.

Это был Кипяток. Одним своим появлением он заставил всю мою банду задротов заткнуться и начать перешептываться. Мой триумф был испорчен. Но я молча продолжал бить своих врагов. Одно сильно радовало меня. Смачный фингал под левым глазом аристократа. Так его еще никто не разукрашивал. Прямо бальзам на душу.

– Чем занимаетесь, ушлепки? – Кипяток подошел ближе и встал у меня за спиной.

Стало дико некомфортно. От такого отморозка можно ожидать чего угодно. А спину мне сейчас никто не прикрывает. Армия поклонников годится лишь на то, чтобы нажимать кнопки на джойстиках.

– Поспорили с Костяном, что он не сможет с первого раза Мортал пройти на самой высокой сложности, – как загнанный в угол пес проговорил Толстый.

Я в это время лупил очередного противника и представлял себе вместо него Кипятка. Моя ненависть не знала границ. Но синяк на его роже действовал как успокоительное.

– Хм, – послышалось из-за моей спины. – На че поспорили?

– Так просто, – перехватил инициативу Жендос.

Как сохранить свои кровные от подшибателей он знал. Главное не провоцировать животное и оно не нападет. А наличие у тебя купюр уже действовало провокационно.

– Так просто? – как будто не поверив хмыкнул брюнет и обратился к своим. – Слышали пацаны? Они тут на воздух спорят.

Два голоса глупо хихикнули. Один из них Вантус, а второго рассмотреть я не успел.

– Я тоже буду участвовать, – вдруг заявил Парфенов. – Только я в детские игры не играю. Будем спорить по-взрослому.

Я поставил игру на паузу, положил джойстик и встал. Мы стояли в считанных сантиметрах друг от друга. Разве что лбами не уткнулись. Но ему рост не позволял дотянуться до меня.

– Что ставишь? – процедил я.

– Если выиграешь, то каждому присутствующему я выдам по одной императорской фишке. А тебе лично дам пять.

– Императорские фишки? – нахмурился я.

Все участвующие в пари громко выдохнули. Кто-то даже восторженно протянул: «В-а-а-а-у!». По манере подачи, это был Жендос. Но он тут же заткнулся, поймав взгляд Парфенова.

И что еще за императорские фишки? Это в истинном мире, они делились лишь на обычные и вставучки. А здесь, под этим примитивным названием может скрываться что-то более существенное. Императорские! Черт... судя по лицам моих болельщиков это что-то стоящее. Как бы сперва разузнать что это и только потом соглашаться? Ладно, плевать. Воспользуюсь главным правилом моего отца – больше, значит лучше.

– Десять, – наконец, сказал я.

– Чего десять?

– Десять. Фишек. Мне. Если выиграю, – пояснил я.

Задроты вновь не смогли проигнорировать ставку и перебили тишину взбудораженным гулом.

– Договорились, – ответил аристократ и протянул мне руку.

Я не ответил. Только посмотрел на нее и спросил:

– А если проиграю?

– Если проиграешь, то отдашь мне свой тамагочи.

Кипяток сказал это настолько серьезно, что мне стоило усилий, чтобы не заржать. Но, черт возьми, похоже тамагочи ценится в этом старом-добром девяносто восьмом гораздо выше, чем раньше. Как и эти фишки.

Я, конечно, уверен в себе, но толика... самый мизерный шанс того, что я могу проиграть, наверное, все-таки есть. Не хочется рисковать чем-то ценным. Сто рублей всегда заработать можно, а вот если этот тамагочи очень важен, то проигрыш загонит меня в еще большую задницу.

Я показал Кипятку указательный палец, который означал, что мне нужен тайм-аут, а сам повернулся к Жендосу.

– Как думаешь, шкурка выделки стоит? – шепнул я в его вытарашенное ухо.

– Не знаю, – он по своей давней привычке прикусил верхнюю губу. – Потерять тамагочи это очень серьезно. Но императорские фишки... Черт, сразу десять фишек... Ты же потом сможешь играть с аристократами.

Короче, понятно. Что ничего не понятно. Но утереть нос ублюдку, да еще и заработать какие-то чудо-фишки... Слишком большое искушение.

– По рукам, – сказал я Кипятку, но ладонь в ответ как обычно не протянул.

Задроты ахнули и похлопали меня по плечу. Я снял рюкзак, чтобы было удобнее и, на всякий случай, сунул руку внутрь, проверить на месте ли предмет, который желает заполучить аристократ. На месте.

– Сначала? – спросил я.

– Продолжай отсюда, – бросил Кипяток. – Че время тратить.

Игра шла как по маслу. Я валил противника за противником и делал разные фаталити, бруталити, френдшипы, лишь бы сломить дух моего главного врага. И очень скоро настала очередь Шао Кана. Босса из боссов. Вот он, действительно достойный противник.

Как сейчас помню, что дерется не как компьютер. Словно с человеком играешь. Может зажать в углу и запердохать одним ударом. Но мало кто в эти времена уже открыл главный и безотказный метод победы над ним. Приседаешь и ставишь блок. Апперкот снизу и повторяешь. Таким примитивным образом одерживаешь победу. Мои десять императорских фишек, почти у меня в кармане. Сегодня отличный день.

Болезньщики выдыхали, когда я атаковал и затаивали дыхание, когда оборонялся. Но буквально перед тем, как выиграть второй раунд я вдруг пропустил удар.

– Какого хрена? – воскликнул я и тут же поставил на паузу. – Блок не работает!

– Чего? – Жендос сразу потянул свои руки к джойстику.

– Кнопка у меня не работает, говорю, – повторил я и присмотрелся к клавише.

– Дай проверю, – он выхватил у меня из рук джойстик.

Отжал с паузы и принялся прыгать от главного противника. Удивительно, но следующий же удар босса пришелся в блок. Жендос снова поставил на паузу и передал джойстик мне. Я встряхнул головой. Могло ли это мне почудиться? Блок, совершенно точно, не ставился.

Я нажал «START» и снова принялся за работу.

И только мне начало казаться, что мой персонаж мгновенно реагирует на команды, как я снова пропустил несколько ударов и Шао Кан выиграл второй раунд. Счет стал поровну.

– Да не работает! – я встал с места и потряс сломанным предметом.

– Когда поражение близко, сразу начинаешь искать отговорки, да? – ухмыльнулся Кипяток.

Я прищурился. Его глаза блеснули. Это точно дело рук этого утырка. Только вот каким образом он это делает? И не докажешь никак. Кто бы не взял в руки джойстик, все кнопки на нем, будут работать как ни в чем не бывало. Ясно. Значит читерский метод убираем. Обмануть теперь мне надо не только босса в игре, но и утырка, стоящего за спиной.

– Эй, аристократ, – я обратился к Парфенову. – Твоих рук дело?

Потряс у него перед носом джойстиком. Тот широко улыбнулся.

– Я не знаю о чем ты говоришь, – пожал плечами Кипяток.

– Предлагаю новый договор, – начал я. – Ставлю на кон тамагочи Жендоса и не использую блок вообще. А ты перестаешь творить херню.

– Эээ... – начал Жендос.

Но я не позволил ему договорить и добавил:

– Но в случае победы ты еще десять фишек даешь ему. Согласен?

– Победить Шао Кана без блока? – задумался аристократ. – Это практически невозможно. Но два тамагочи мне не помешают. Согласен.

Я молча сел на место и глубоко вдохнул. Нужно словить дзен и вспомнить все приемы рептилии.

X, X, вниз A; Z, Z, назад, Z и другие.

– Ты играть будешь или запал пропал? – поторопил меня Кипяток.

Вроде готов. Буду надеяться, что он не сможет отключить весь джойстик. А поймать клавиши, на которых я делаю приемы, будет непросто. Я практически гуру.

– Эй, Жендос, – я обернулся и нашел глазами своего друга. – Встань-ка сзади меня и посмотри, чтобы наш аристократ не видел кнопки, на которые я жму.

Через несколько мгновений я вернулся к игре. Теперь попотеть дошла очередь и до моих рук. Каждый удар по противнику учащал мое сердцебиение, а каждый пропущенный прием заставлял переставать дышать. Сейчас через раз не срабатывали другие кнопки. Когда я уже был готов нанести решающий апперкот, то прием не получился. Мои мучения продлились еще какое-то время, но в конце концов знания приемов меня выручили. Я плюнул серной кислотой и отправил Шао Кана отдыхать.

– Д-а-а-а! – завизжали детскими голосами мои поклонники.

Они начали хватать меня за плечи и трясти от радости. А я в очередной раз утер нос Кипятку и теперь желал получить свою награду.

– Долг платежом красен, – сказал я, вставая, и кладя джойстик на стол.

Кипяток ослабился, затем засунул руку в карман и достал одну фишку. Затем бросил ее в толпу.

– Вот вам фишка! Одна на всех! Обойдетесь, – ухмыльнулся он.

Я схватил обманщика за пиджак двумя руками и приблизился к его паскудному лицу.

– Ты обещал десять фишек мне и каждому из парней по одной, – процедил я. – Выполняй обещание.

– Эй ты! – послышалось из-за стола администрации. Даже голову поворачивать не надо, чтобы понять, что говорит Сега. Управляющий. – А ну отпусти его или сейчас вылетит отсюда и ноги в игровом зале твоей больше не будет!

Кипяток скалится. Я учусь ловить равновесие, но все еще надеюсь, что аристократ выполнит обещание.

– Ты оглох? – повторил Сега.

Я отпускаю Парфенова.

– У вас время закончилось. Если продлевать не будете, проваливайте! – крикнул управляющий и все школьники тут же засобирались.

– Если ты думаешь, что ты герой, Фунтик. То я докажу тебе, что это не так, – Кипяток сплюнул мне под ноги и вместе с Вантусом и еще одним моим одноклассником вышел из зала.

Я выиграл, но чувство такое, что проиграл. Чувство несправедливости пожирает изнутри. И ведь я ничего не могу сделать. По крайней мере, пока. Ладно. Нужно сперва разобраться что и как тут устроено, а потом предпринимать шаги. А пока не терять лица, но и не привлекать лишнего внимания. Месть, как вино. Чем она дольше томится, тем слаще будет.

– Забей на него, – ко мне подошел Жендос и протянул фишку. – Ты это заслужил.

Я посмотрел на тонкий золотистый диск, лежащий в его ладони. На нем был изображен профиль какого-то мужика, внизу подпись «Российская Империя». Эта фишка больше была похожа на покерную. Или на битую, как тогда любили выражаться.

Я принял приз.

– Спасибо, – еще раз повертел добычу в руке и засунул в карман.

– Молодец, Костян, – ко мне подошел Толстый и всунул в руку пачку измятых купюр.

Почему они мятые, не сложно догадаться. Если принохаться, наверняка до сих пор пахнут носками. Но, как я и ожидал, у простолюдинов чести оказалось куда больше, чем у того, кто зовет себя аристократом.

– Честный спор, пацаны, – отозвался я, засунул деньги в задний карман и бросил взгляд на настенные часы. – Отлично провели время! Увидимся!

Парни по очереди пожали мне руку и вышли.

Мы с Жендосом вышли чуть погодя и пошли в школы вместе. Именно в школы. Потому что учились в разных, хоть они и находились совсем рядом.

– Слушай, – я нащупал в кармане фишку и достал, чтобы еще раз взглянуть на нее. – Что бы ты сделал, если бы у тебя была такая?

Прямой вопрос я задавать не хотел, а Жендос потрепать языком всегда любил. Расскажет сейчас все свои планы, а я заодно узнаю для каких целей она стодится.

– Я бы в лагерь для аристократов поехал! Нет! Нет! В Питер на балет... Нет! Обменял бы на артефакт, который... Нет! Все-таки я бы с помощью нее выиграл больше...

Кажется, я начинаю понимать. Эта вещица, судя по всему, дает много привилегий. Что-то вроде пропуска для VIP-персон. Да такая, что простолюдин, типа Жендоса, не может решить куда ее потратить. Хочется всего и сразу. А второй интересный момент – с помощью нее можно выиграть императорских фишек больше...

– Понял я, понял, – остановил я размечтавшегося друга. – О чем ты все-таки хотел со мной поговорить?

– А-а-а, – вспомнил неожиданно Жендос почему просил мать передать мне, чтобы я срочно пришел в игровой. – У меня сегодня предки на дачу уезжают. До завтра. Сезон закрывать. Я хотел тебя с Серым с ночевкой позвать. Посмотрим «Доспехи Бога» на видеке, поиграем в танчики.

– Почему нет? – я пожал плечами. – Во сколько?

Ночные посиделки я обожаю. Да и узнать у парней, что на улице происходит после девяти, проще будет. Наверняка, баек и страшных историй ходит уйма.

– Часов в восемь, чтобы до девяти уснуть, – ответил он.

– Забились, – я стукнул своим кулаком по кулаку Жендоса и зашел в свою школу.

Тут все как раньше. Раздевалка с дежурными, первоклассники, путающиеся под ногами, школьники без верхней одежды, только что выбегавшие на улицу покурить, и гардеробщица тетя Фая. Только вот есть те, кто ходят в костюмах, а есть такие как я – в обносках на вырост. Теперь разница между аристократией и всеми остальными видна четче.

– Как у вас дела тетя Фая? – спросил я, сдавая свой мировой пуховик пожилой женщине в сером халате.

– Все отлично, Костик, – ответила она и взяла у меня куртку. – А что с лицом? Неужели подрался?

– Так. Царапина, – махнул рукой я и потянулся за номерком.

– Может перестанешь языком попусту трепать, старая курица? – вдруг изрыгнул из себя белобрысый парнишка из моего класса. В костюме.

– Извините, господин, – тетя Фая приклонила голову, взяла его пальто и понесла на вешалку.

– А ты чего вылупился, Фунтик? – продолжил плескаться ядом малолетка, но уже в мою сторону.

Это были самые долгие тридцать секунд в моей жизни. Устрой, который царил в этом мире, сделал и без того невыносимых школьников еще более дерзкими и незнающими границ. Мне хотелось взять каждого из них за шкуру и научить манерам. Но после того, как уволили мать, я остерегался навлечь на свою семью еще больше бед. Открыто идти в конфронтацию нельзя. По крайней мере, пока не разберусь что происходит в этом мире.

– Ничего, – мотнул головой я.

Тогда Антропов фыркнул и поднял руку к лицу. Открытой ладонью к себе. Я увидел, как вокруг его пальцев копится воздух и приобретает красный оттенок. Черт, это не воздух. Это какая-то энергия.

Сгусток энергии становится все ярче, а в следующее мгновение из носа аристократа выбегает струйка алой крови. Он тут же хватается за нос и орет:

– Охрана! Охрана!

Я оглядываюсь, не понимая, что происходит. Ко мне подбегает амбал в темных очках и хватается за шиворот, словно котенка.

– Ты ударил аристократа, щенок? – обращается он ко мне.

– Этот утырок сам пустил себе кровь! – даже не пытаюсь брыкаться я.

– Он ударил вас, господин? – не обращая никакого внимания на мои слова, охранник смотрит на Антропова.

Тот держится за нос. Его рука уже вымазалась в крови.

– А по мне не видно, остолоп? – отвечает он амбалу.

– Он врет, как дышит, – усмехаюсь я. – Можете спросить у тети Фаи. Я и пальцем его не тронул.

Охранник переводит глаза на гардеробщицу. Женщина, с которой у меня всегда были хорошие отношения почему-то молчит. Смотрит на меня. На аристократа. Снова на меня. Но молчит.

Глава 5. Кабинет директора

Уже полчаса я сидел в кабинете директора и пялился в аквариум с рыбками. Звонок уже прозвучал и первый урок в своей новой жизни я пропускаю. Но мне сказали сидеть и ждать Глеба Ростиславовича. Я так и делал. Невинный должен вести себя как невинный.

В животе урчит, потому что я так и не успел пообедать. Вчерашний жаренный хлеб, вместе с блинами, переваривается по четвертому кругу. И как же непривычно вновь возвращаться туда, где ты не можешь просто так, по своей воле, встать и уйти. Наверное, это один из главных минусов детства.

– Костя, здравствуй, – послышался спокойный голос из-за спины, вслед за коротким скрипом двери.

Я обернулся. Высокий седой мужчина, с пышными усами над верхней губой, закрыл дверь на защелку и опираясь на красивую лакированную трость прошел за свой стол. Под мышкой он держал увесистый учебник.

– Здравствуйте, – кивнул я и сглотнул.

В горле, толи пересохло, толи я просто слишком долго молчал, поэтому первую половину слова я попросту прохрипел.

Директор положил книгу на край стола и сел в свое большое кожаное кресло. Я прочитал название учебника. Хиромантия. Хм. Они тут судьбу по ладоням предсказывать умеют или как это работает? В моем мире Глеб Ростиславович не преподавал.

– Как ты умудрился перейти дорогу Парфенову? – добродушно спросил глава школы и задумчиво постучал пальцами по столу.

Я увидел на его руке перстень. На перстне герб – медвежья морда. Как и на набалдашнике трости.

– Это была самозащита, Глеб Ростиславович, – ответил я. – Он ударил, я ответил. Ничего больше.

– Значит вы подрались? Когда это было?

– Вчера.

– Где?

– На стадионе за школой.

– Еще и на территории лица... – помотал головой директор. – Довольно смелое признание, учитывая серьезность последствий.

Он был спокоен как удав, но в то же время от него так и било мощной энергетикой.

– Из-за чего произошел конфликт? – спросил глава школы.

Я быстро прокрутил в голове то, что произошло, когда я попал в этот мир. Вспомнил первые слова, которые услышал, едва очнувшись. Вроде Кипяток своеобразно просил меня извиниться за то, что я назвал его гондоном.

– Уже не помню, – ответил я. – Знаете как бывает, он меня оскорбил, я его оскорбил в ответ и понеслась.

Директор в задумчивости помял свой гладковыбритый подбородок, пристально глядя мне в глаза, как будто пытался прочитать мысли, а затем достал из ящика стола небольшой буклет и передал его мне.

– Что это? – спросил я.

– Ты никогда не читал правила поведения в школе? – поднял брови он.

– Видимо... стоит перечитать, – кивнул я и взял буклет в руки.

Мне будет полезно ознакомиться с тем, что тут делать можно, а что нельзя. Да и директор такой поступок оценит. К тому же, он оказался совершенно иным аристократом из тех, кого мне «посчастливилось» встретить за последние два дня. Надеюсь, суд будет справедливым.

– А Антропов? – вдруг спросил он. – Ты действительно ударил его сегодня?

– Нет! – резко ответил я и тут же исправился, заговорив более спокойным тоном: – И пальцем не тронул. Он нагрубил тете Фае, а потом ему не понравилось, как я на него посмотрел. Затем он подставил руку к лицу и...пустил себе кровь. Уж не знаю как ему это удалось, но кровь бежала ручьем. Даже весь свой женский платочек испачкал...

– Можешь не продолжать, – проговорил Глеб Ростиславович. – Послушай, сынок. Сейчас все, кто состоит в клане Парфёновых будут тебя провоцировать и добиваться исключения из школы. Сегодня я могу судить непредвзято, но если будешь нарушать правила и дальше, то мне придется перейти к более жестоким мерам. Вплоть до исключения. А это значит, что они победят. Это тебе ясно?

Клан Парфеновых? Звучит устрашающе. Интересно, Антропов тоже в нем состоит? Иначе, какого черта он вообще меня подставил? Н-да... Вопросов пока больше, чем ответов. Радует одно. Что директор остался собой. Он и раньше был добрейшей души человек, а теперь я уважаю его еще больше.

– Ясно, – отозвался я. – Но если оскорблять нельзя, защищаться нельзя... В таком случае, что мне остается?

– Соблюдать правила, – внимательно посмотрел на меня своими зелеными глазами глава школы.

Затем он поднял трубку телефона, дождался, когда на том конце провода ответят и приказал:

– Игорь, приведи ко мне Егора Парфенова и Кирилла Антропова. Да. Прямо сейчас. Ну и что, что у них урок. Анна Михална знает, что я просто так детей от занятий отвлекать не буду...

Глеб Ростиславович положил трубку и посмотрел на меня.

– Твой отец был хорошим человеком, Костя. Он был умен и многих в свое время заставил служить ему. Но стоило допустить лишь одну ошибку и его не стало. Он был моим другом и из уважения к нему я закрою глаза на то, что ты сделал. И из уважения к твоей смелости и честности. Но только на этот раз. Второго раза не будет. Надеюсь, что мозги своего отца ты унаследовал также, как характер.

Я с благодарностью кивнул.

Это что-то новенькое. В моей прошлой жизни отец рано умер. Но никаких заслуг за ним не числилось. А вот здесь история, видимо, сложилась по-другому. При случае, нужно будет расспросить у матери о нем побольше.

– А теперь, читай, – сказал директор. – Ты должен знать законы школы как «отче наш».

Я опустил глаза на открытый буклет и побежал по своду правил.

Кроме обычных правил поведения, которые запрещают прыгать через ступеньки и хвататься за оголенные провода, тут есть такие пункты, в которых, под угрозой исключения из школы, запрещается пользоваться...боевой магией. Боевой магией, черт возьми!

Я посмотрел на свою руку. Неужели я умею делать нечто подобное? Пускать себе кровь из носа, ломать технику и зажигать в своих зрачках языки пламени? Но как проверить, что я умею? И... У меня стандартный набор способностей или я могу вытворять что-то...эксклюзивное?

Я вернул глаза на страницы буклета и мой взгляд остановился на следующей строчке:

«Также запрещается использовать вне урока такие виды созидательной магии, как иллюзия, создание острых и других предметов, способных нанести увечье ученикам и сотрудникам школы...»

В дверь постучали, что заставило меня оторвать глаза от свода правил.

Директор встал со своего места и, хромя на правую ногу, дошел двери. Открыл. В кабинет директора тут же вошли Кипяток и Антропов. Они озирались так, как будто были в этом помещении впервые.

Школьники сделали несколько шагов вперед и остановились прямо по центру ковра. Как символично. Оба посмотрели на меня. На их лицах читалась ненависть. Однако она пропала, как только Глеб Ростиславович вернулся на свое место и теперь мог видеть их. Да уж. Сильно я разозлил этих парней.

– Егор, – директор обратился к Парфенову. – Как давно ты читал правила поведения в школе для одаренных?

– Я их знаю наизусть, господин директор, – прилежно ответил Кипяток.

Он прямо невинная овечка. И как можно быть такой двуличной тварью? Сейчас он и вправду выглядит так, что это я самое большое Зло из всех существующих Зол на этом свете. А не он.

– Знаешь, значит... – директор постучал тростью по полу. – А о драках на территории школы там что-то сказано?

Парфенов бросил на меня многозначительный взгляд. Явно не ожидал, что я обо всем расскажу. Знает, что кара за такое нарушение серьезная. Только я об этом не знал, а потому сознался. Да и директор мне выбора не оставил. Исключение из лица – это суровый приговор.

– Ну? Чего молчишь? – повторил Глеб Ростиславович более твердым голосом.

– Там сказано, что драки на территории школы запрещены, господин директор, – растеряно ответил Кипяток.

– Тогда почему вчера вы с учеником Ракицким их нарушили? – повторил он еще более грубым тоном.

Кипяток молчал. Он опустил голову и смотрел под ноги.

Тогда директор сделал несколько шагов вперед и встал прямо перед местными хулиганами.

– За нарушение любого правила я имею право исключить любого одаренного из школы! – заявил он. – Будь он хоть Господь Бог! Вы позабыли, куда отправляют тех, кто не смог учиться в обычной школе? Тогда я вам напомню! Еще месяц не прошел, как Свиридов уехал на Казачью Заставу! Хотите следующими пополнить ряды Защитников?

Глеб Ростиславович замолчал, подошел к аквариуму с рыбками, открыл ладонь и корм из небольшой баночки потянулся к его руке. Я в очередной раз не поверил своим глазам. Затем он открыл крышку и навесил руку над водой. Песчинки корма осыпались на гладкую поверхность и рыбы принялись обедать.

– Любым поступком, которое нарушает порядок в лицее, – продолжил лекцию директор более спокойным тоном. – Вы не только обрекаете себя на тяжелую судьбу, но еще и показываете свое неуважение к правилам, учителям и директору школы. А теперь скажите мне, одаренные. Как долго я захочу держать здесь тех, кто нарушает дисциплину и подрывает репутацию школы?

После того, как голос директора перестал громыхать, через открытую форточку с улицы стали доноситься голоса первоклассников, прыгающих на площадке – видимо, у них была физкультура.

– Антропов... – проговорил глава школы и повернулся к длинноволосому дружку Кипятка.

Затем он подошел к нему и выдернул у него из кармана белый, испачканный в крови платок. Развернул его. Мне показалось что-то шепнул и в этот же миг кровь с белой ткани испарилась. Я мотнул головой, в надежде прийти в себя. Но мне не привиделось. Платок действительно стал чистым. И никакая тетька Ася не нужна.

– Использование иллюзий в стенах школы запрещено, – сказал он. – Глупо надеяться на то, что вас не уличат во лжи. Вы еще дети! Стоит помнить об этом, когда начинаете использовать магию в корыстных целях, – напомнил глава школы.

Сейчас в кабинете директора снова воцарилось молчание. Все стояли с опущенными головами в ожидании приговора. Справедливость восторжествовала и каждый получил по заслугам. Но вот какой ценой?

– Еще хоть одно нарушение и вы будете исключены. Это касается каждого! – директор бросил свой взгляд на меня. – А теперь ступайте на урок. С завтрашнего дня и до конца недели вы дежурите в столовой и не посещаете занятия. Все. Втроем! Пока не научитесь уважать друг друга.

А вот и наказание... В свое время дежурство в столовой мы ждали с особенным нетерпением. Но это будет первое дежурство, которое я буду ждать как казни. Перспектива провести три учебных дня в компании этих аристократов меня не радует. Но должно быть интересно... Все-таки сейчас у всех нас связаны руки.

Каждый из нас кивнул, в знак понимания наказания и мы пошли к выходу. Пока толпились в проходе, кто-то из этих двух шепнул мне:

– Стукач!

Похоже теперь Парфенов с Антроповым ненавидят меня еще больше. Посмотрим, чем это обернется. Но на некую Казачью Заставу никто ехать не хочет. Значит теперь я в относительной безопасности и первая задача в этом мире – постоять за себя, – выполнена.

Директор проводил нас до класса на четвертом этаже, постучал и открыл дверь.

– Анна Михална? – проговорил он учтиво. – Я вам трех гавриков возвращаю, можно?

Женщина лет сорока, с чертами лица Джулии Робертс – большим ртом, кудрявыми волосами и в очках, посмотрела в нашу сторону строгим взглядом и кивнула. Затем, не дожидаясь, когда мы усядемся на свои места, продолжила что-то рассказывать.

Но я не слушал. Появилась проблема поважнее. Где я. Черт возьми. Сижу?!

Кипяток и Антропов сразу ушли и приземлились – что неудивительно, – за одну из последних парт. Вместе. Я же, застыл у доски и быстро побежал взглядом по классу.

Три ряда парт. Я совершенно точно в прошлой жизни сидел за третьей партой в первом ряду. С Игоряном. Но сейчас Игоряна одет в костюм и сидит с Алиской. Но она одета обычно. Значит аристократы с челядью за одной партой все-таки уживаются. Следовательно, я могу сидеть на любом из свободных мест. А сейчас их всего три.

Вариант А. Дмитрий Солонин. Всегда был самым загадочным парнем в классе. Отвечал только, когда спрашивали. И только учителям. Я один раз видел, как его встречала бабушка из школы. Вся в черном и черной вуалью на лице. Все одиннадцать классов он учился отвратительно, хотя делал вид, что слушает все и всегда выполнял домашнее задание. Но всегда неправильно. Толи умом обделен, толи проблемы какие в семье. Мог ли я подружиться с ним в этом мире? Вряд ли. В моем он всегда за партой сидел один.

Вариант Б. Ян Калачевский. Веселый парень. Наполовину поляк. Всегда любил отпустить острую шуточку во время лекции, и тогда весь класс заходился хохотом. Вместо того, чтобы записывать под диктовку, он рисует трансформеров на последней странице тетради. Лучше всего подходит на кандидатуру моего соседа по парте, если бы не одно «но». Его предки запрещали ему общаться со мной. Почему-то считали, что я из неблагополучной семьи и поэтому обязательно научу его курить сигареты или нюхать клей. Конечно, это были только их закидоны, но, так или иначе, общения со мной он стал избегать.

Вариант В. Жанна Клаус. Еврейка. Всегда больше общалась с парнями, чем с девочками. Учились курить за школой мы все вместе. Да и симпатизировала она мне всю школьную жизнь. Это я сейчас понимаю, а тогда мне казалось, что всякие сладости, подкиданные в портфель, дружеские валентинки, совместные прогулки домой из школы – это все само собой разумеющееся. Хотя на самом деле именно это и было истинным проявлением ее интереса.

– Ракицкий, – выдернула меня из мыслей Анна Михайловна. – Я тебя к доске не вызывала. Что ты стоишь как тополь на Плющихе?

– Можно схожу тряпку намочу? – вспомнил я вдруг дело, которое дало бы еще некоторое время на то, чтобы принять окончательное решение.

– Мы же не намочили! – вскинула учительница руки. – Только и ждали Ракицкого, чтобы магию воды использовать. Садись! Повелитель стихий...

Весь класс захихикал. А я понял, что сболтнул чушь. Действительно, если они тут могут водой повелевать, то им не очень-то и нужна эта негласная должность. И предложение намочить тряпку, едва зайдя в класс, было так себе.

Я кивнул и выбрал третий ряд. Ян или Жанна. Солонина отбрасываю сразу. Либо за пятую парту к Яну, либо за третью к Жанне. И весь класс, как на зло, смотрит за мной. Побочный эффект моего вчерашнего геройского поступка.

– Привет! – произнес я.

Затем упал на стул рядом с Жанной и закинул на стол портфель, чтобы достать из него учебник по...какой там предмет?

– Ты чего, Ракицкий? – шепнула аристократка недоумевающая.

Черт. Значит ошибся. Ну что теперь. Остается только вести себя, как ни в чем не бывало и снова подружиться с ней. Если, конечно, ее синяя форма не сделала из нее стерву.

– А что не так? – посмотрел я на соседку не менее недоумевающим взглядом.

– Да ни че... – замялась она. – Просто Солонин еще приревнует.

Я посмотрел на чудика из другого ряда. Он глядел на меня большими глазами и мимикой вопрошал. Я сориентировался и махнул ему рукой, мол, потом поговорим.

Вот и поворот. Самый невероятный вариант оказался правильным. Ну что ж, может оно и к лучшему. Интуиция никогда не была моей сильной стороной.

– У нас традиционные дружеские отношения, можешь не переживать, – ответил я Жанне на комментарий про ревность Солонина.

Она пожала плечами и уткнулась в тетрадь. Карандаш бил по открытым листам, показывая, что девчонка-то на нервах. Значит, чувства из истинного мира остались. Это уже хорошо.

Я посмотрел на доску. Там была начерчена какая-то формула, а сверху написано название предмета. Порталогия.

– ...и помните, вы можете черпать свою силу только из порталов, – произносила свою речь Анна Михайловна. – И должны уметь в любой момент разорвать завесу и напитаться энергией. Сегодня мы научимся открывать порталы с помощью воды. Есть желающие к доске?

Я осмотрелся. Желающих, как всегда, не было. Был бы я хоть немного в теме, то вызвался бы. А так...Я даже вон учебник в портфеле найти не могу.

– Ракицкий! К доске.

Глава 6. Запрещенный контакт

Анна Михална, как ее называет директор, смотрела на меня и хлопала своими большими глазами.

– К доске, Ракицкий, – повторила она. – Уши сегодня мыл?

– Э-э-э-э... – протянул я.

Нет, мне выйти проблем не составляет, а вот давать лишний повод некоторым аристо подначивать меня – не очень хочется. Одаренный, не умеющий вскрывать какую-то завесу. Наверняка, все ученики хорошо с этим справляются. Выйду туда, не смогу совершить простейший трюк и тут же стану посмешищем. Что бы придумать?

– Можно я! – выкрикнула моя соседка по парте и вытянула руку.

– Клаус?

– Да, Анна Михайловна. Позвольте мне. Я очень хочу.

Учительница внимательно посмотрела на нас обоих и согласилась.

– Ну хорошо, Жанна. Выходи, – затем перевела взгляд на меня. – Ракицкий, пойдешь следующий.

– Не благодари, – шепнула мне девчонка и заставила встать с места, чтобы она смогла пройти.

Я выдохнул. И откуда она узнала, что я чайник в этом деле? Нужно будет не забыть сказать ей спасибо.

То, что происходило дальше я видел только краем глаза, потому что во всю уже листал учебник по Порталогии в поисках того, как создавать эти чертовы порталы.

Анна Михайловна протянула моей соседке стакан воды, сделала несколько наставлений, и та закрыла глаза. Затем она медленно вдохнула, протянула руку в сторону – ее пальцы были сложены в определенный знак, – потом дважды ударила по воздуху возле себя и в следующее же мгновение пространство буквально разорвалось, явив небольшую сверкающую трещину на том месте, куда только что ударила Жанна. Я посмотрел на стакан – теперь он был пуст.

Все ученики смотрели на это событие вполне обыденно. Некоторые, вообще положив головы на руки или подбородки на ладони, умудрялись зевать, находя зрелище скучным и надоевшим. Для меня же это был какой-то новый уровень...физики что ли? Только что, на этом самом месте не было абсолютно ничего. Пустое пространство. А теперь, эта самая завеса порвалась и из другого измерения – или не знаю, что по ту сторону, – в этот мир через узкую расщелину рвется серебристо-синий свет.

Клаус подняла руку и коснулась этого явления. Ученики лениво захлопали, повторяя движения Анны Михайловны. В этот же момент разрыв закрылся, как будто отдав всю энергию одаренной. Я лишь успел разглядеть в зрачках Жанны крутящиеся сверкающие молнии, когда она садилась на свое место.

Но времени на то, чтобы ошарашено смотреть на соседку по парте у меня не было. Если верить обещанию учителя, я следующий.

– Как вы поняли, ничего сложного в этом нет, – проговорила Анна Михайловна. – Вы используете энергию воды, чтобы открыть разрыв, а затем восполняете свои силы из него. Конечно, через такой разрыв вы не восполните много Сил. Но иногда и этого достаточно. Естественно, законом Российской Империи, строго запрещено пользоваться крупными водоемами. Но никто вас не накажет, если, при необходимости, вы наберете из местного пруда маленький стаканчик воды и используете ее.

Ученики восприняли фразу как шутку и посмеялись. А я уже всю изучал параграф, в котором объяснялся порядок открытия разрывов. Боже, храни содержание учебника на последней странице.

– Ракицкий, теперь твоя очередь, – сказала Анна Михайловна. – Выходи к доске.

Я применил старый прием. Медленно вставать с места и до последнего пялиться в книгу, чтобы успеть дочитать абзац. Но на этот раз абзац был мне не так интересен, как рисунок под ним. На изображении было видно, каким образом одаренный должен скрестить пальцы, чтобы нарушить целостность завесы.

– Раки-и-и-цкий, – напомнила о себе учительница. – Ты там сейчас глаза оставишь. Выходи. Или тебе особое приглашение нужно?

Вроде все. Я закрыл учебник и пошел к доске.

– Ты видел, что делала Жанна? – спросила меня Анна Михайловна, подала стакан с водой и не дожидаясь ответа продолжила. – Сделай то же самое. Используя энергию воды, открой разрыв и зачерпни оттуда Силу.

Я сосредоточился, как было написано в учебнике. Для этого закрыл глаза, как это сделала ученица до меня. Затем, в определенном знаке, скрестив пальцы дважды ударил по пространству рядом с собой.

Звук электрического тока, внезапно вскрывший завесу, заставил меня вздрогнуть. Благо в стакане вода уже испарилась и разливаться на пол было нечему.

Класс захлопал, вновь беря пример с учителя. Не хлопали только несколько людей. Мои главные «друзья». Но они не хлопали никому, поэтому потеря была невелика.

Однако в данный момент меня больше интересовало то, что сверкало маленькими молниями в пространстве совсем рядом со мной. Я знаю, что мне нужно всего лишь прикоснуться к разрыву и набрать оттуда какую-то Силу, но все-равно немного жутковато. Словно меня просят дотронуться до оголенного провода. И я, заведомо зная, что это может кончиться плохо, все равно должен это сделать.

– Молодец, Костя, – похвалила меня Анна Михайловна. – А теперь прикоснись к разрыву и садись.

Но я медлил. Тянул руку, но медлил.

– Ну сегодня с тобой точно не все в порядке. У тебя, случайно, нет температуры?

Это уже действительно выглядит странно. Нужно прыгнуть в омут с головой и перестать привлекать к себе внимание.

В тот самый момент, когда учитель прикоснулся к моему лбу, я собрался с духом и дотронулся до разрыва. Яркая вспышка ослепила меня, а когда зрение вернулось я почему-то смотрел на себя со стороны.

Закатив глаза, Константин Ракицкий стоял у школьной доски и не шевелился. Интуитивно я попытался отдернуть руку Анны Михайловны, приложенную к моему собственному лбу, и... получилось! Затем я поднял голову и увидел всех учеников, которые со скучным видом наблюдали за происходящим.

Черт возьми! Я в теле училки по Порталогии! Как я здесь оказался? Как мне вернуться обратно? И что вообще делать? Окажись я в такой ситуации в своей прошлой жизни, я бы непременно отправился в укромный уголок и сделал то, о чем мечтали все мои одноклассники – поднял бы блузку и взглянул на то, что под ней. Но сейчас другие вещи волновали меня несколько больше.

Паника, захватившая мой разум на несколько секунд, кажется, заставила щеки учительницы покраснеть. Но я быстро взял себя в руки и решил доиграть за нее. Благо за последние сутки уже научился.

– Что это с ним? – спрашиваю я встревоженным голосом учительницы и окидываю взглядом учеников.

Все мои одноклассники медленно поднимаются со своих мест. Встают даже те, кто не хотел. Просто потому, что другие загораживают им обзор.

– Парфенов! А ну-ка быстро принеси сюда стул! – приказываю я, даже не сомневаясь в своем выборе.

Уже через несколько мгновений Кипяток тащит старый советский стул и ставит его так, чтобы я мог усадить собственное тело.

– А теперь принеси стакан воды, с моего стола.

Интересно получается. Я могу говорить за другого человека, двигаться и даже не уступать собственного тела взамен. Судя по всему, моя тушка сейчас просто находится в трансе и ждет возвращения пилота. Черт возьми... Сколько возможностей с этой способностью у меня открывается... Надо будет прочесть в правилах, запрещено ли это? Нет. Конечно, запрещено. Но знает ли кто-нибудь об этой моей маленькой способности?

Парфенов принес стакан. Я набрал полный рот и брызнул себе в лицо. Эффекта нет.

– Парфенов, – сказал я строгим голосом учительницы. – И Антропов. Вы оба. Несите Костю в медпункт. Сейчас же.

Я едва успел схватить себя за руку, чтобы помочь аристократам аккуратно взять меня, как в этот же миг «связь» оборвалась. Все что было – встревоженные голоса школьников, мельтешение Кипятка и Антропова, взгромождающих мои руки на свои плечи, звучащий из коридора звонок на перемену – все это в один момент накрылось кромешной тьмой.

– Нашатырь поможет, – слышу женский голос, сквозь сон.

В нос бьет сильный запах нашатырного спирта, что заставляет меня открыть глаза и поморщиться.

Лежу на кушетке. Надо мной белый потолок. Справа стоит медсестра и держит в руке вонючую ватку. Рядом топчется Анна Михайловна и грызет ногти, покрытые вульгарным красным лаком.

– Наконец-то! – облегченно выдыхает она.

– Как себя чувствуешь, Костя? – добавляет Светлана Викторовна. Школьный медик. Молодая блондинка с щербинкой между зубов.

– Голова кружится, – отвечаю я, тоже перепугавшись за собственное состояние.

Нос что-то щекочет. Тяну руку, но медсестра тут же останавливает ее.

– Подожди пока. Там вата. Кровь должна остановиться.

Кровь?! Черт... А откат у этой способности убийственный. В прямом смысле этого слова.

– Что произошло? – спросила медсестра у Анны Михайловны, как только поставила мне градусник.

– Не понимаю, – ответил учитель по Порталогии. – Он как пришел на урок, так начал вести себя странно. А потом мы во время короткого контакта с разрывом... Да я и сама не помню. Все так быстро произошло. Стоял совершенно нормальный, а как завесы коснулся все. Помню только как мальчики его уносят, и мы бежим к вам.

Значит память все-таки отшибает. Это даже хорошо. Никто меня не прижмет за то, что я в тело учительницы залазил. Нетрадиционным способом.

– А ты, Костя? Можешь что-нибудь добавить?

Я пожал плечами.

– Все так и было, Светлана Викторовна.

Медсестра надевает мне на руку прибор и меряет давление. Спустя несколько секунд вынимает из ушей стетоскоп и пристально смотрит на меня.

– Что думаете? – нетерпеливо спрашивает Анна Михайловна.

– Надо на обследование. Сейчас даже не возьмусь сказать. Возможно, это последствия вчерашней драки, как и предположил директор.

Ясно. Глеб Ростиславович тут уже побывал. Тем лучше. Может спишут все на то, что я головой сильно ударился?

– Понаблюдать надо, – говорит фельдшер. – Костя, я сегодня тебе справку выпишу, на освобождение от учебы. Иди домой и отдохни. Маме твоей сейчас позвоню и все объясню.

– Нет, – возразил я и добавил: – Мать сегодня уже с утра пьет. Вы лучше мне расскажите, а я передам. Ей или сестре.

Светлана Викторовна посмотрела на меня с сочувствием, а затем кивнула и ответила:

– Если почувствуешь себя не важно – голова закружится, тошнота, жидкий стул, сразу в скорую звоните. И, конечно, завтра лучше в больницу на прием записаться. Пусть проверят реакцию на контакт с завесой. Это тоже может быть. Давай градусник.

Я вынул из подмышки мировой ртутный прибор и протянул блондинке в белом халате.

– Температуры нет. Хм.

Прозвенел длинный звонок и топот сотен учеников тут же пронесся по коридору.

– У меня уже урок начинается, – немного робко произнесла Анна Михайловна. – Я тогда пойду... если уже не нужна?

– Да, конечно, – встрепенулась, погруженная в свои мысли медсестра и прошла за свой стол.

Она выписала мне справку об освобождении от учебы на этот день, наказала что делать в случае ухудшения здоровья, и отпустила.

– До свидания, Светлана Викторовна! Не волнуйтесь, все будет хорошо, – попрощался я и вышел за дверь.

Если честно, у меня уже руки чешутся от того, как сильно я хочу проверить была ли это случайность или моя способность вселяться в других людей действительно существует.

– Ну, наконец-то, – протянула сидящая в коридоре на низкой скамейке Клаус. Она поднялась с места и вручила мне портфель с моими вещами. – Твои дружки все смылись еще до звонка и даже не подумали забрать твой портфель.

– Они такие, – улыбнулся я и забрал свои вещи. – Спасибо, Жанна.

– Пустяки, – махнула рукой она. – Что сказали? – кивнула подбородком в сторону медпункта. – Жить будешь?

– Сказали, что, возможно, это из-за вчерашней драки с Кипятком. Переживать не о чем.

– Ну, хорошо, – ответила она. – Тогда идем? История уже началась.

– Меня освободили, – я тряхнул пожелтевшей справкой. – Сказали лучше сегодня отлежаться дома.

– Эм... Тогда ладно... До завтра.

Жанна вскинула лямки от своего рюкзака на плечи и заторопилась по коридору.

– Клаус! – окликнул свою новую подругу я. Она обернулась. – Пообедаем завтра вместе?

Аристократка растерялась, затем кивнула несколько раз и пропала в темноте лестничной клетки.

Я забрал пуховик из гардероба и поспешил на стадион. Никакой физкультуры сейчас здесь не было. Все школьники на уроках в здании. Лишь какой-то мужик прогуливается со своей колли за забором.

Я несколько раз свистнул.

– Бобик! – свистнул еще. – Бобик! Ко мне!

Дружелюбного пса долго ждать не пришлось. Уже через пару секунд кто-то уткнулся мне в спину и громко задышал.

– Привет, малыш, – я потрепал по голове животное, а он, как всегда, улегся на спину и подставил мне живот. – Сейчас ты сможешь мне кое-что проверить, ладно?

Пес вскочил на лапы, пригнулся и игриво виляя хвостом, подставил морду.

Я встал на одно колено и погрузил руку в лужу. Прикрыл глаза, сделал соответствующий жест свободной ладонью и два раза стукнул по воздуху. Разрыв появился. Как два пальца. Покажите мне однажды, и я быстро усвою эту вашу... магию.

Теперь я, уже не робея, прикоснулся к разрыву. Почувствовал прилив Сил. Тяжесть в висках и бессилие в теле улетучилось также быстро, как иссохла лужа. Тогда я медленно потянул руку к голове пса. Медленно. Еще медленнее. Сглотнул и, наконец, дотронулся до Бобика.

В этот же момент короткая вспышка помогла мне очутиться в теле пса. Мое тело, также замерев в исступлении продолжало глядеть в бездну белками глаз.

Я попробовал повилять хвостом. Тень, от светящего солнца, дала знать, что получилось. Затем сорвался с места и побежал обратно к зданию школы.

С торца есть вход в столовую, через который отгружают продукты. Он был открыт всегда. Даже после обеда. Потому что повариха тетя Люда, пользовалась каждой свободной минутой, чтобы выйти на крыльцо и сделать пару затяжек.

– Здорова, пес! – буркнула она и затянулась.

Я уткнулся мордой в ее ногу и проскулил.

– Да отстань ты, нечистая сила! – тетя Люда затянулась снова. – Нет у меня жратвы. Дети все съели. Понял?

Я не сдавался.

– Ох, хитрая морда, – любя, бросила она и с сигаретой в зубах прошла внутрь. – От сердца отрываю.

Она вынесла пакет, достала из него литровую банку, открыла крышку и вытащила оттуда сосиску в тесте.

– На! Держи! Сама сегодня не доем, а тебе дам! Вспомню еще тебя вечером добрым словом. Вымогателя!

Я схватил сосиску зубами, повилял хвостом и побежал прочь.

– Вот! Все вы мужики такие, – крикнула она вслед и стряхнула пепел с сигареты. – Получите, что хотите, яйцами напоследок помашите и сматываетесь.

Я вернулся к себе, застывшему в одной позе, и дотронулся головой до ладони. Вспышка и я снова в своем теле. Получилось. Только кровь из носа побежала. Надо бы остановить.

Я вырвал из первой попавшейся тетради чистый лист и приложил. Вот подорожника-то под рукой нет. Он бы точно исцелил.

Смотрю на пса. Он до сих пор держит сосиску в тесте в своих зубах. Я беру ее и отламываю ту часть, которая еще не успела побывать в его пасти. Кидаю ее себе в рот, а остальное отдаю Бобику. Заслужил.

– Можно, парень! – командуя я и пес тут же начинает радостно жевать лакомство.

Вот тебе и второй шанс. Возможность вселиться в тело любого и провернуть за него пару дел. Вот только откат сильный и черт его знает что случится, если лишнего времени под другой крышей проведешь. Но способность, явно, полезная. Что может сделать десятилетний парень, чтобы изменить свою жизнь? Мало чего. А что может сделать этот же мальчик со способностью вселяться в тела, например, аристократов? Это уже интересно.

Не оставляя мыслей о том, какая сила у меня теперь появилась, я вскоре оказался перед дверью в свою квартиру. Вот только не успел открыть замок, как с той стороны донесся истошный крик. Кричала мать.

Я тут же открыл дверь и своим появлением буквально остановил кулак, летящий ей в лицо. Отчим держал маму за волосы и собирался ударить снова.

Глава 7. Компромат на малолеток

– Отпусти ее! – выкрикнул я, подбежал ближе и попытался оттолкнуть отчима.

Таким бессильным я не чувствовал себя еще никогда. Это действие не оказало абсолютно никакого эффекта. Как будто я просто попытался толкнуть бетонную стену.

– Отойди, шкет, – оголтелый мужик размахнулся и дал мне пощечину.

От удара мне пришлось сделать несколько шагов назад, чтобы не упасть. В голове затрещало.

– Отдавай деньги, тварь! – крикнул он на мать и ударил ей кулаком по лицу.

Когда она осела, он вырвал пачку купюр из ее сжатого кулака, оттолкнул меня в сторону, взял свою куртку с вешалки и вышел за дверь.

Теперь мы остались в квартире только вдвоем. Уткнувшись в ладони, мать старалась сдерживать свои слезы, но короткие вздохи все равно выдавали ее.

В каком же дерьме мы находимся... И как можно продолжать так жить? Нет! Я никому больше не позволю трогать мою семью.

Обозленный на весь мир и, настроенный решительно, я прошел мимо сидящей на полу матери прямо на кухню. Взял со стола недопитую бутылку водки и вылил содержимое в раковину. Затем вернулся к двери, закрыл ее на несколько замков и старую-добрую цепочку. Подошел к матери и положил руку ей на плечо. Некоторое время молчал, пытаясь обрести душевное равновесие, чтобы не сорваться и не наговорить глупостей. Ей и так досталось. Любые нраву-чения сейчас не пойдут на пользу. Да и кто я такой, чтобы меня слушать.

– Ты еще собираешься пускать его в нашу квартиру? – спросил, наконец, я.

Она отрицательно помотала головой.

– Мне нужно, чтобы ты пообещала мне, – я присел и посмотрел в ее красные глаза. – Если он еще раз вернется сюда, то ты вызовешь по...милицию. Хорошо?

Она кивнула.

– Да, хорошо.

Не верю. Вот ни капли. Знаю, что пройдет время, злость утихнет и этот ублюдок снова, как только закончатся деньги, припрется. И мать пустит его. Из жалости. И плевать ей будет на обещание мне. Тут нужен другой подход.

– Машка где? – спросил я, когда мать еще больше успокоилась.

– Она сегодня не вернется. Ночует у Вадима.

У Вадима? Проводит с этим хахалем вторую ночь подряд?

– Хорошо, – проговорил я. – Тогда ты езжай к бабушке...

– Нет, – помотала головой она. – Я тебя одного не оставлю.

– Меня тоже дома не будет. Я сегодня у Женьки ночевать буду. А дверь закроем, чтобы он попасть не смог.

– У него ключи есть.

– Нет, – ответил я и бросил взгляд на советскую тумбочку у входной двери. – Он не подумал о том, чтобы их взять. Торопился потратить твою зарплату.

В следующий момент из детской комнаты донеслось «мяу». Я бросил взгляд туда и увидел свою старую кошку. Матильду. Чисто белого окраса. Я смотрел на нее и тут же вспомнил, как мне пришлось попрощаться с ней в том мире, когда ее час пришел.

Какие-то смешанные эмоции сейчас я испытывал. У меня был пес в истинном мире. Живой, здоровый и верный. Я люблю его и...наврное...мысль, что мне приходится сейчас заменить Дога на Мотю... Не знаю. Все это очень странно. В отношении к людям такого нет.

– Кс-кс-кс, Мотя, иди сюда, – подозвал я кошку.

Но Матильда продолжала неподвижно стоять и недовольно вилять хвостом.

– Есть хочет, – пробубнил я себе под нос.

В следующие полчаса, я помог матери собраться, накормил кошку, перекусил сам, вторым блюдом по популярности в моем детстве – бутербродами с салом. А затем мы вышли из дома.

– Есть деньги на проезд? – поинтересовался я, когда мы подходили к остановке.

– Осталась мелочь, – она порылась в кошельке и прикинула хватит ли на дорогу.

Сегодня я выиграл и мог бы добавить, но ее зависимость от алкоголя не позволила это сделать. Дам, и пропьет. Пусть лучше останутся на более благие дела, которыми сейчас и займусь до уезда родителей Жендоса.

Мать села в троллейбус, помахала мне оттуда, двери закрылись, и он уехал.

Я почувствовал облегчение. Как всегда в детстве, когда играл с парнями на площадке, а она проходила мимо и обращалась ко мне. Не знаю, одному мне стыдно было перед друзьями за родителей или у кого-то тоже были такие чувства. В любом случае, любителей пообщаться с предками, когда ты в компании друзей, в нашем дворе было не много и каждый старался закончить беседу как можно быстрее.

Я сел на скамейку на остановке и принялся думать, куда я могу инвестировать свои триста десять рублей, чтобы уже завтра у меня их стало больше.

Можно было бы поставить ставку на какое-нибудь спортивное событие, да вот только промежуточных громких игр я не помню. Чемпионат мира по футболу во Франции девяносто восьмого года уже прошел. И я точно помню, что в нем победила Франция. У меня даже дома тетрадка валяется, куда я записывал результаты всех матчей. Ближайшее же событие, на котором я могу улучшить свое финансовое состояние – это чемпионат Европы по футболу, где тоже победила Франция. Но до него еще два года. К тому времени нужно накопить побольше денег, чтобы выигрыш сделал из меня миллионера. Так. А что еще?

МММ? Тоже не быстро, да и не совсем помню, когда эта финансовая пирамида рухнула. Кого-то шантажировать или продавать тексты будущих хитовых песен, тоже как-то не по-человечески. Н-да.

Сигнал, раздавшийся из одной из машин, переезжающих перекресток, заставил меня повернуть голову направо. Туда, где на небольшом деревянном ящичке сидела бабушка и торговала семечками. Лет двадцать таких не видел. Может купить? Помогут думать.

– Здравствуйте! – я подошел к бабуле и сунул руку в задний карман. – Сколько стакан семечек стоит?

– С солью или без?

– Давайте с солью. Гулять так гулять.

– Два рубля будет, – ответила бабуся и тут же запустила граненый стакан в мешок с семечками, чтобы удовлетворить своего клиента.

Я достал пачку смятых купюр, расправил одну из них – десятирублевую, и протянул продавцу.

Бабуля высыпала семечки мне в карман и сдала сдачу.

– Спасибо! – поблагодарил я.

– Да не за что! – махнула рукой она и когда я уже отвернулся вдруг окликнула меня: – Сынок!

– А? – я обернулся.

– А котенок тебе не нужен?

– Н-е-е-е, – тут же протянул я. Но в друг меня посетила интересная мысль и я спросил: – А почему?

– Бесплатно отдаю. Топить жутко не хочется.

Я щелкнул семечку и вернулся к самобытной лавке.

– А где они?

– Да тута.

Бабуля расстегнула большую серо-синюю сумку в клетку, и я заглянул внутрь.

– Так это ж шотландцы. Вислоухие!

– Шотландцы, британцы, американцы, мне – все одно. Лишь бы топить не пришлось, – выдохнула она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.